

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**



**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 3–4

2019

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2019, № 3–4

Основан в 2016 г.



**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2019, № 3–4

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Гуманитарные социально-экономические и общественные науки».

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Scientific Magazine «Humanitarian, Social and Economic and Social Sciences».

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского технического университета;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начального образования факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета.

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of psychological sciences, Professor, Dean of the faculty of psychology, pedagogy and defectology of Don Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan state university, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of law, Professor, Chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov state economic university;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal affairs;

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Primary Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 2

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ THE CHIEF - THE EDITOR

Popov Mikhail Yur'evich,
Ph.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna
Ph.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 2, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Сулейманов С.К.*
Объект и предмет преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ 19

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Абакумова И.В., Дятлов А.В.*
Психология и математика: перспективы XXI века 27

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Лабашева Н.А., Мирошниченко Е.А.*
Коммуникативные задачи иноязычного общения
в формировании профессиональных навыков студентов юристов 37

- Лабашева Н.А., Середа П.В.*
Формирование компетенций профессионально
направленного обучения иностранному языку студентов юристов 42

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Афанасьева О.О., Вовк А.В., Семенихина М.А.*
Роль игротехнологий в процессе социализации детей-инвалидов 49

- Волков Ю.Г., Мамина Д.А.*
Социальная справедливость в региональном пространстве
российского общества: теоретико-концептуальный аспект 57

- Криволюков В.В.*
Факторы, влияющие на консолидацию российского общества
в контексте успешных социальных управленческих практик 66

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Абрамов М.А., Славенко О.Н.,
Марусидзе Н.Ф., Туркалов А.О., Гончаров А.В.*
Саморазвитие в системе научного анализа
управленческих ресурсов власти 75

<i>Булкин А.Н., Дюжева Е.Л., Ширяев А.С., Абрамов С.В., Тищенко В.А., Юрчевский В.В.</i> Проблемы изучения трудового права на юридическом факультете вуза	79
<i>Гришай В.Н., Курносенко А.А., Сыпачев С.В., Костюк А.В., Юрчевская У.В.</i> Значение классических теорий власти для современного государства	84
<i>Дзюба М.А., Гришай Ж.Г., Шатовкина Р.В., Зенина Ю.М., Новицкая М.С.</i> Системные задачи и современные проблемы в содержании религиозного воспитания	89
<i>Зенин К.А., Скворцов Д.В., Макитов М.Б., Беляков С.Г., Мусаев А.Р.</i> Сущность и значение принципа разделения властей в современном государстве	94
<i>Попова Т.В., Килясханов М.Х., Тищенко А.В., Гребенюк Д.В., Корсаков А.Н.</i> Проблема человека в гуманитарных основаниях современной науки	99

CONTENTS

JURISPRUDENCE

- Samaludi K. Suleimanov*
The object and the subject of the crime under Article 184
of the Criminal Code of the Russian Federation 19

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

- Irina. V. Abakumova, Aleksander. V. Dyatlov*
Psychology and mathematical statistics:
prospects for the twenty-first century 27

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Natalya A. Labasheva, Elena.A. Miroshnichenko*
Communicative problems of foreign-language in formation
of professional skills of law students 37

- Natalya A. Labasheva, Polina V. Sereda*
Formation competences of professionally directed training law students
in a foreign language 42

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Olga Afanasyeva, Anna V. Vovk, Maria A. Semenikhina*
The role of technology in the socialization of children with disabilities 49

- Yury G. Volkov, Darya A. Mamina*
Social justice in the regional space of Russian society:
theoretical and conceptual aspect 57

- Viktor V. Krivopuskov*
Factors influencing the consolidation of russian society
in the context of social management practices 66

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Maxim A. Abramov, Oleg N. Slavenko,
Nestor F. Murusidze, Alexey O. Turkalo, Alexander V. Goncharov*
Self-development in the system of scientific analysis
of the management resources of power 75

<i>Andrey N. Bulkin, Elena L. Dyuzheva, Alexander S. Shiryaev, Sergey V. Abramov, Viktor A. Tishchenko, Vyacheslav V. Yurchevskii</i> Problems of studying labor law at the university's faculty of law	79
<i>Vladimir N. Grishay, Andrey A. Kurnosenko, Sergey V. Sypachev, Anna V. Kostyuk, Uliana V. Grcevska</i> The significance of classical theories of power for a modern state	84
<i>Marina A. Dzyuba, Zhanna G. Grishay, Rimma V. Shat'kina, Yulia M. Zenina, Maria S. Novitskaya</i> System challenges and current issues in the content of religious education	89
<i>Konstantin A. Zenin, Dmitry V. Skvortsov, Mussa B. Makitov, Sergey G. Belyakov, Alik R. Musaev</i> Essence and significance of the principle of separation of powers in the modern state	94
<i>Tatyana V. Popova, Magomed H. Kalashnov, Alexander V. Tishchenko, Diana V. Grebenyuk, Alexander N. Korsakov</i> Problem of manin the humanitarian foundations of modern science	99

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 184 УК РФ**



**THE OBJECT AND THE SUBJECT OF THE CRIME UNDER ARTICLE 184
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Сулейманов Самалуди Камалдинович
следователь,
Следственная часть расследований
преступлений и организованной
преступной деятельности
следственного управления
МВД России по Ставропольскому краю
Sksuleymanov@bk.ru

Samaludi K. Suleimanov
Investigator,
Investigative Part of Investigations
Crimes and Organized Crime
Criminal Activity
Investigation Department
Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Stavropol region
Sksuleymanov@bk.ru

Аннотация. В связи с динамичным поступательным развитием новых для России общественных отношений получают свое распространение всё новые сферы этих отношений, которые требуют урегулирования, в том числе мерами уголовно-правового характера. Одной из таких областей является специфическая сфера общественных отношений, связанная со спортом и культурой. В статье проводится анализ объекта и предмета преступления, предусмотренного статьей 184 Уголовного Кодекса Российской Федерации. В ней автором отмечается, что для достижения целей правового регулирования общественно-спортивных и культурно-зрелищных отношений в стране принято значительное количество федеральных и отраслевых нормативно-правовых актов. Однако они не оказывают существенного влияния на эффективную борьбу с этим асоциальным явлением. Поэтому одним из оснований уголовно-правового запрета оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов является признание обществом опасности такого рода преступлений.

Ключевые слова: Уголовный Кодекс РФ, спортивные соревнования, договорные спортивные матчи, коррупция в спорте, коммерческие конкурсы, физическая культура и спорт.

Annotation. Due to the dynamic progressive development of new public relations for Russia, new areas of these relations are spreading, which require a settlement, including criminal and legal measures. One such area is a specific area of social relations related to sports and culture. The article analyzes the object and subject of the crime under article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author notes that in order to achieve the goals of legal regulation of social-sports and cultural-entertainment relations in the country adopted a significant number of federal and industry regulations. However, they do not have a significant impact on the effective fight against this asocial phenomenon. Therefore, one of the grounds of the criminal prohibition of illegal influence on the results of official sports competitions and spectacular commercial competitions is the recognition of society.

Keywords: criminal code of the Russian Federation, sports competitions, contract sports matches, corruption in sports, commercial competitions, physical culture and sports

В связи с динамичным поступательным развитием в России общественных отношений, получают распространение всё новые сферы этих отношений, которые требуют урегулирования, в том числе, мерами уголовно-правового характера.

Одной из таких областей является специфическая сфера общественных отношений, связанная со спортом и культурой. Ни для кого не секрет, что существуют, так называемые, договорные спортивные матчи и результаты зрелищных коммерческих конкурсов, и другие случаи противоправных деяний, связанных с подготовкой, организацией и проведением таких мероприятий. Подобные явления негативно сказываются не только на внутренней политике государства в сфере культуры и спорта, но и на имидже страны на международной арене. Для достижения целей правового регулирования общественно-спортивных и культурно-зрелищных отношений в стране принято значительное количество федеральных и отраслевых нормативно-правовых актов. Однако они не оказывают существенного влияния на эффективную борьбу с этим асоциальным явлением, поэтому одним из оснований уголовно-правового запрета оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов является признание обществом опасности такого рода преступлений. До появления в уголовном законодательстве ст. 184 УК РФ о спортивных федерациях и различных творческих союзах, связанных с культурой, приходилось самостоятельно регулировать вопросы ответственности виновных за оказание противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, привлекая таких лиц к дисциплинарной ответственности [12]. Между тем, специально организованные и проведенные обследования только российской спортивной среды показали, что около половины (48,2 %) спортсменов относят коррупцию к широко распространенным явлениям в своей деятельности. На лицо высокая степень латентности преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ.

Ранее, до появления ст. 184 УК РФ в теории уголовного права предлагали рассматривать данное деяние в рамках коммерческого подкупа. Но так как физическая культура и спорт имеют свои особенности, законодатель индивидуализировал данную норму в соответствии со спецификой данных областей общественных отношений. Кроме того, следует отметить, что отечественная практика не знала и не знает случаев привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в оказании противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов в рамках ст. 204 УК РФ.

Отметим также, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09 июля 2013 года № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) разъяснений по вопросам квалификации деяния, предусмотренного ст. 184 УК РФ, также не дает [6]. Оно даже не относит данную уголовно-правовую норму к коррупционным преступлениям. Это не совсем понятно, поскольку и доктрина, и правоприменительная практика относят исследуемое посягательство к коррупционным преступлениям. Данный факт закреплен в Указании Генпрокуратуры России № 387-11 и МВД России № 2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечень № 23) от 11 сентября 2013 года.

Вместе с тем, следует отметить, что государство в лице законодателя уделяет пристальное внимание уголовно-правовой охране сферы культуры и спорта. За время существования ст. 184 УК РФ в нее четырежды вносились изменения: Федеральным законом от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [2], Федеральным законом от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ [3], Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [4] и Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ [1]. Примечание к статье 184 УК РФ было введено Федеральным законом от 17 июня 2010 г. № 120-ФЗ [5]. В соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ, корректировке подверглось название статьи. Оно сегодня звучит так: «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Диспозиции ее частей были дополнены такими новыми понятиями, как «официальное спортивное соревнование», «руководитель спортивной команды», «противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», «принуждение или склонение лиц к оказанию противоправного влияния», «предварительный сговор», «извлечение спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды или другим участником официального спортивного соревнования, а равно участником зрелищного коммерческого конкурса других выгод и преимуществ».

Кроме того, криминализации подвергся подкуп «работников официального спортивного соревнования» и «участников зрелищного коммерческого конкурса», которые до этого в законе не упоминались, а также – любое, в том числе, законное «получение» денег, ценных бумаг, иного имущества и «пользование» услугами имущественного характера в целях противоправного

влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.

Несмотря на изменения, внесенные в статью в 2013 г. статью 184 УК РФ, по праву можно отнести к числу «мертвых». Анализ уголовной статистики показывает, что по ст. 184 УК РФ ее практически нет. Нам представляется, что подобная ситуация вызвана не только закрытостью спортивного и культурного сообщества, но и ошибками, допущенными в процессе конструирования данной нормы, не системностью юридико-технического построения статьи, влекущие за собой противоречивость и коллизийность нормы, ее бланкетность.

Все это требует комплексного изучения значительного законодательного массива, что не всегда возможно в условиях практической деятельности. Кроме того, терминология, которая использована в ст. 184 УК РФ, не содержится в других статьях УК РФ, а научных работ, посвященных непосредственно вопросам оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований, не так много. Отсутствует и единство мнений по поводу теоретических аспектов изучаемой проблемы.

Для квалификации любого преступления особое значение имеет уголовно-правовая оценка признаков объекта преступления. В теории уголовного права интегрированным объектом рассматриваемого состава преступления нормы являются общественные отношения в сфере экономики, а родовым – общественные отношения в сфере экономической деятельности [14, с. 105–111]. Следует заметить, что Д.Н. Изотов предлагает данную норму разместить в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», т.к. считает, что «непосредственным объектом подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов понимаются общественные отношения, обеспечивающие подготовку, организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований... в условиях справедливости, объективности и беспристрастности» [10, с. 31–33]. Данные отношения охватываются категорией общественной нравственности [10, с. 31–33]. Эта оригинальная, но очень спорная точка зрения.

Во-первых, все преступления являются безнравственными.

Во-вторых, нужно исходить из того какое место законодатель определил этим преступлениям.

В-третьих, бесспорно, что вред при совершении вышеуказанных преступлений причиняется, прежде всего, экономическим отношениям, основанным на принципах добросовестной конкуренции.

Что же касается понимания непосредственного объекта данного преступления, то здесь тоже существуют различные мнения. Одни ученые считают, что непосредственным объектом являются нормальные экономические отношения [8, с. 57–58]. Такая точка зрения не позволяет отличить данное преступление от любого другого, находящегося в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Другие называют непосредственным объектом общественные отношения, регулирующие осуществление профессиональной спортивной и культурной деятельности [11, с. 171]. Третьи – общественные отношения, обеспечивающие интересы предпринимательства в сфере проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, которые представляют собой особый вид услуг коммуникативно-развлекательного характера [13, с. 101–102]. Четвертые - нормализованный и регламентированный законом порядок проведения официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов [7, с. 30–34]. Пятые непосредственным объектом считают общественные отношения, возникающие в процессе законной деятельности лиц и организаций, проводящих профессиональные спортивные соревнования или зрелищные коммерческие конкурсы [9, с. 69].

Предметом данного преступления выступает незаконное вознаграждение, носящее материальный характер, а именно:

1. Деньги.
2. Ценные бумаги.
3. Иное имущество.
4. Оказание услуг имущественного характера.
5. Предоставление иных имущественных прав.
6. Имущество, которое по указанию лица передается иному физическому или юридическому лицу.
7. Услуги имущественного характера, которые по указанию лица оказываются иному физическому или юридическому лицу.

8. Имущественные права, которые по указанию лица предоставляются иному физическому или юридическому лицу.

9. Результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (По смыслу закона в отдельных случаях принуждения или склонения материальное вознаграждение не обязательно).

Литература:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований: федер. закон от 23 июля 2013 г. № 198-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4031.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 08 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 11. Ст. 1495.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
5. О внесении изменения в статью 184 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 17 июня 2010 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 25. Ст. 3071.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09 июля 2013 года № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
7. Бацин И.В. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 12. С. 30–34.
8. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс». 1999. 312 с.
9. Грибов А.С. Пробелы в регламентации отдельных признаков оказания противоправного влияния на результаты спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ) // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 100–102.
10. Изотов Д.Н. О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе Особенной части УК РФ // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 3. С. 31–33.
11. Кобозева Т.Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2008. № 1. С. 170–175
12. Ненахова А.С. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов как один из видов преступлений коррупционной направленности // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминологии и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. (10–11 апреля 2012 года). Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 229–232.
13. Рахманова Е.Н. О коррупционных рисках в спорте / Е.Н. Рахманова; Под ред. Н.А. Петухова, Е.В. Рябцовой // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: сб. науч. ст. Симферополь, 2020. С. 64–71.
14. Улезько С.И. Проблемы уголовно-правовой охраны налоговой системы Российской Федерации : монография. РГЭА. Ростов-н/Д., 1998. 151с.

Literature:

1. On amendments to the Federal law «On physical culture and sport in the Russian Federation» and certain legislative acts of the Russian Federation in order to prevent illegal influence on the

- results of official sports competitions: Feder. law of July 23, 2013 № 198-FZ // Legislative Meeting ROS. Confederations. 2013. № 30 (part I). Art. 4031.
2. On amendments and additions to the criminal code of the Russian Federation Federal law of 08 Dec. 2003 № 162-FZ // Legislative Meeting ROS. Confederations. 2003. № 50. P. 4848.
 3. On amendments to the criminal code of the Russian Federation: Feder. law of March 07, 2011 № 26-FZ // Legislative Meeting ROS. Confederations. 2011. № 11. P. 1495.
 4. On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Feder. the act of 07 Dec. 2011 № 420-FZ // Legislative Meeting ROS. Confederations. 2011. № 50. P. 7362.
 5. On amendments to article 184 of the Criminal code of the Russian Federation: Feder. law of June 17, 2010 № 120-FZ // Legislative Meeting ROS. Confederations. 2010. № 25. P. 3071.
 6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» dated July 09, 2013 № 24 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 9.
 7. Batsin I.V. Rendering illegal influence on the result of an official sports competition or spectacular commercial competition (article 184 of the criminal code of the Russian Federation) // Russian investigator. 2016. № 12. P. 30–34.
 8. Volzhenkin B.V. Economic crimes. SPb. : Publishing house «Legal center Press». 1999. 312 p.
 9. Gribov A.S. Gaps in the regulation of certain signs of illegal influence on the results of sports competitions or spectacular commercial competitions (Art. 184 of the criminal code of the Russian Federation) // Legal science. 2014. № 2. P. 100–102.
 10. Izotov D.N. On the place of bribery of participants and organizers of professional sports competitions in the system of the Special part of the criminal code of the Russian Federation // Business in law. Economic and legal journal, 2013. № 3. P. 31–33.
 11. Kobozeva T.Yu. Category «coercion» in the criminal law of Russia // Bulletin of the Voronezh state University. Ser.: Pravo. 2008. № 1. P. 170–175.
 12. Nenakhova A.S. Bribery of participants and organizers of professional sports competitions and spectacular commercial competitions as one of the types of corruption crimes // Actual problems of criminal law, criminal procedure, criminology and criminal Executive law: theory and practice: materials of the international journal. scientific-practical Conf. (April 10–11, 2012). Tambov : Izdat. house of TSU named After G.R. Derzhavin, 2012. P. 229–232.
 13. Rakhmanova E.N. on corruption risks in sports / E.N. Rakhmanova; Ed. by N.A. Petukhov, E.V. Ryabtseva // Prevention of corruption in public authorities of the Russian Federation: collection of scientific articles. Simferopol, 2020. P. 64–71.
 14. Ulezko S.I. Problems of criminal law protection of the tax system of the Russian Federation : monograph. the wgde. Rostov-on/D.,1998. 151 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ И МАТЕМАТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ XXI ВЕКА



PSYCHOLOGY AND MATHEMATICAL STATISTICS: PROSPECTS FOR THE TWENTY-FIRST CENTURY

Абакумова Ирина Владимировна

член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук,
профессор,
Донской государственной
технической университет
abakira@mail.ru

Irina V. Abakumova

Corresponding Member of RAO,
Doctor of Psychology Sciences,
Professor,
Don State Technical University
abakira@mail.ru

Дятлов Александр Викторович

доктор социологических наук,
профессор,
Южный Федеральный университет
avdyatlov@sfnu.ru

Aleksander V. Dyatlov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Southern Federal University
avdyatlov@sfnu.ru

Аннотация.

Массовое применение компьютеров в анализе данных результатов психологических исследований и простой доступ к программному обеспечению с мощными вычислительными возможностями (SPSS и аналогичные) – главная особенность применения методов математической статистики в психологии. Особенно интенсивно в последнее время стали применяться многомерные методы, которые до недавнего времени рассматривались только как теоретические. Взаимное проникновение математической статистики и психологии привело к развитию новых методов для моделирования и объяснения различных типов психологических данных. Однако этот процесс, по сути, нами воспринимается как «палка о двух концах». Многомерные статистические методы (далее МСМ) предполагают четкое построение модели и жесткие требования к дизайну психологического эксперимента. Популярность МСМ совершенно не делает их проще как в применении, так и последующей интерпретации результатов. Предлагаемая статья – своеобразный обзор современного состояния использования и принципов применения МСМ в психологических исследованиях. В работе представлена классификация по различным критериям методов математической статистики, наиболее часто применяемых в психологии. Кроме того, была предпринята попытка описать кратко будущее статистических методов в психологических исследованиях.

Ключевые слова:

психологические исследования, анализ данных, многомерные методы математической статистики.

Annotation.

The mass application of computers in the analysis of the results of psychological research and easy access to software with powerful computing capabilities (SPSS and similar) – the main feature of the application of methods of mathematical statistics in psychology. Especially intensively recently began to apply multidimensional methods, which until recently were considered only as theoretical. The mutual penetration of mathematical statistics and psychology has led to the development of new methods for modeling and explaining different types of psychological data. However, this process is essentially a «double-edged sword». Multivariate statistical methods (hereafter MSM) suggest a clear model and stringent requirements on the design of a psychological experiment. The popularity of MSM does not make them easier to apply or interpret. The proposed article is a kind of review of the current state of use

and principles of application of MSM in psychological research. The paper presents a classification according to various criteria of methods of mathematical statistics, the most commonly used in psychology. In addition, an attempt was made to describe briefly the future of statistical methods in psychological research.

Keywords: psychological research, data analysis, multidimensional methods of mathematical statistics.

1. Введение.

Цель этой статьи – провести обзор многомерных методов математической статистики, которые применяются в психологических исследованиях. В историческом плане отношения между математической статистикой и психологией берут своё начало в конце XIX-го – начале XX-го века несмотря на то, что еще в III веке до новой эры Аристотель использовал, по сути, многомерный подход к классификации объектов в соответствии с их сходством или различием.

Многомерный статистический анализ (далее по тексту, МСА) имеет свою собственную теоретическую базу, которая оформилась в связке с психологией, и базируется, в своей основе, на трудах Карла Пирсона и Чарлза Спирмена, относящихся к факторному анализу. Не вызывает сомнения то, что появление многомерного статистического анализа основано на идее, имеющей целью ответить на чисто психологические вопросы.

Ретроспективный обзор развития МСА показывает, что период наиболее интенсивного развития их теоретической базы приходится на 20-е – 50-е годы прошлого века. С середины XX века и по настоящее время акцент делался и делается, прежде всего, на использование уже разработанных методов. Но наряду с этим, создается и обосновывается и ряд новых моделей, в частности, для анализа и объяснения неметрических данных.

Условно использование методов математической статистики в психологических исследованиях может быть разделено на три этапа в соответствии с глубиной и сложностью используемых моделей, а также – типов данных, с которыми они работают.

Первый этап в использовании статистических методов в психологии связан, прежде всего, с установлением взаимосвязи между явлениями. Свойства шкал, по которым измеряются явления, определяют, будут ли это – коэффициент Пирсона или будут основаны на таблице совместного распределения или χ -квадрата. Попытки моделировать взаимосвязи и строить формальную причинно-следственную модель предполагает использование регрессионный анализ и модели лог-линейной регрессии.

На этот первый этап также приходится разработка моделей с латентной переменной. Современный подход к проверке гипотез, планированию эксперимента, анализу мощности и метод формального выбора модели может быть отнесен к этому этапу.

С ростом объема данных и качества их измерения, появляется необходимость новых методов, которые способны показать информацию, содержащуюся в этих данных. Эта потребность знаменует собой второй этап в использовании методов математической статистики. Примечательной особенностью является разработка структурных моделей, имеющих общее название LISREL, представляющих собой статистический программный пакет, используемый в моделировании структурных уравнений (SEM) для явных и скрытых переменных. В них заложена следующая идея: во многих ситуациях целевые переменные в причинно-следственной модели не могут наблюдаться непосредственно. Для расчета целевых переменных могут быть измерены и другие переменные, связанные с изучаемым конструктом, при условии, что структурные модели связывают наблюдаемые переменные с изучаемым конструктом. Другим достижением в применении статистических методов на этом этапе является разработка подходов для анализа неметрических данных и, прежде всего, модель логистической регрессии и её обобщение – модель множественной логистической регрессии. Применение этих моделей выходит за рамки психологии и находит место в таких областях знания как медицина, социология, биология, экономика. Также, необходимо отметить и развитие на этом этапе методов анализа недостающих данных и анализа событий во времени (event history analysis). Особый интерес для психологии представляют иерархические модели, которые появились в середине 80-х годов прошлого века. Эти модели наиболее полно учитывают структуру генеральной совокупности, из которой были извлечены данные для формирования выборки, а при анализе и моделировании этих данных объединяются идеи и классического частотного, и байесовского подходов.

Установление и моделирование причинно-следственных связей и отношений является одной из главных задач психологии. Математическая статистика избегает заниматься этим во-

просом непосредственно, но у неё есть методы и средства для проверки формальных моделей, поступающих извне. Такие модели, прежде всего, являются результатами психологических экспериментов. Среди современных методов анализа экспериментальных данных, развития претерпели особенно методы, которые предназначены для повторных измерений объекта. Наряду с этим, очевидным является прогресс в развитии существующих и разработке новых методов планирования контролируемых экспериментов.

Третий этап в развитии применения методов математической статистики приобретает очертания в настоящее время. Особый интерес представляют современные методы сбора и генерации огромных массивов данных за короткое время. Классические методы не в состоянии справиться с анализом таких массивов данных. Например, всем известна проблема одновременной проверки многих гипотез, когда с ростом числа гипотез растет и вероятность ошибки первого рода. Одним из первых достижений математической статистики на этом этапе является разработка методов, которые могут устранить эту проблему. Эти методы известны как «ожидаемая доля ложных отклонений» (*false discovery rate*). Ещё одной тенденцией является разработка новых подходов при анализе качественных и текстовых данных и их ввод в современные статистические пакеты. Совершенствование некоторых традиционных методов также является актуальной задачей современного этапа. В качестве примера можно упомянуть назревшую необходимость усовершенствования в методах анализа неравномерности повторных измерений [Lindsey, 1999, с. 22].

Но этот обзор нельзя назвать исчерпывающим, ибо нашей целью было только желание наметить (довольно условно) этапы в развитии применения математической статистики, причем совершенно условно.

В разработке и применении методов МСА, и, в первую очередь, в психологии, наиболее значительно прослеживается влияние и участие представителей трех школ [Сошникова, 1999, с. 19]:

- американской с основными достижениями в области факторного анализа, многомерного шкалирования, новейшими концепциями в прикладной статистике: теорией нечетких множеств, анализом отсутствующих значений, анализом неметрических данных, графическими методами анализа и представлении многомерных данных;
- английской с основными достижениями в области факторного анализа, дискриминантного анализа, многомерного корреляционного и регрессионного анализа, многомерными статистическими методами;
- французской, с основными достижениями в области кластерного и корреспондентного анализа.

2. Принципы.

Здесь мы попытаемся, прежде всего, описать, чем занимается многомерная статистика. До настоящего времени, к сожалению, не сформировано строгой дефиниции, определяющей, что же такое многомерная статистика. Для последующих рассуждений будем использовать достаточно гибкое и непретенциозное определение, предлагаемое ниже.

Определение многомерной статистики. Под многомерным статистическим анализом (МСА) следует понимать множество формальных методов, которые имеют в основе представление эмпирической информации в многомерном геометрическом пространстве и позволяют моделировать неявные (латентные), но объективно существующие закономерности.

Из предлагаемой формулировки становится ясно, почему геометрические представления играют столь важную роль в применении МСА в психологических исследованиях.

Рассмотрим несколько важных принципов, которые лежат в основе применения методов МСА [Сошникова, 1999, с. 22].

1. Эффект действительной размерности. Этот принцип предполагает, что изучению подлежит не произвольное множество атрибутов объекта, а ограниченный круг, логически связанных и дополняющих друг друга признаков, которые позволяют наиболее полно описать изучаемое явление.

2. Минимальное описание объекта. Этот принцип предполагает максимально лаконичное и строго структурированное описание объекта. Часто это означает, что данные должны быть представлены в матричном виде. Это требование заложено в большинство современных статистических пакетов.

3. Использование обучающей (дополнительной) информации при построении модели данных. Этот принцип дает более точную классификацию объектов, при сравнении изучаемого

явления с уже известными явлениями. Использование такой информации значительно повышает точность статистических выводов.

4. Оптимальный подход при постановке задачи МСА. Имеется в виду рациональным выбор одного или нескольких взаимодополняющих методов, которые при применении незначительных вычислительных усилий приводят к аналитическим результатам с хорошей интерпретируемостью, а также, достаточно полно и надежно представят изучаемые явления и процессы.

Очевидно, что представленные выше принципы являются условными и, в какой-то мере, взаимно переплетающимися. Согласно этим принципам, мы преследуем одну цель – осмысленные проблемы и способа, которым эта проблема может быть описана и решена.

3. Методы.

Начнем с классификации методов МСА. Как любая классификация, так и эта, предлагаемая нами, является условной. Прежде всего, классические методы МСА можно разделить на методы с зависимой переменной и методы без зависимой переменной. Эта классификация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация классических методов МСА [Сошникова, 1999, с. 22]

В зависимости от наличия зависимой переменной	
методы с зависимой переменной	методы с независимой переменной
– множественная регрессия	– факторный анализ
– частная корреляция	– кластерный анализ
– дисперсионный анализ	– многомерное шкалирование
– ковариационный анализ	– анализ канонических корреляций
– дискриминантный анализ	
В зависимости от количества зависимых переменных	
одна зависимая переменная	несколько зависимых переменных
– множественная регрессия	– многомерная множественная регрессия
– дисперсионный анализ	– многомерный дисперсионный анализ
– ковариационный анализ	– многомерный ковариационный анализ
– дискриминантный анализ (две группы)	– множественный дискриминантный анализ

Уже упоминалось, что особый интерес представляют модели с одной или несколькими неявными (латентными) переменными. Классификация классических методов по такому признаку представлена в таблице 2.

Таблица 2

Классификация классических методов МСА по наличию латентной переменной [Ясц, 1998, с. 27]

Методы без латентной переменной
– множественная регрессия
– частная корреляция
– дисперсионный анализ
– ковариационный анализ
– дискриминантный анализ
– анализ связанности (path analysis)
Методы с одной латентной переменной
– одномерное шкалирование
– однофакторный анализ
Методы с несколькими латентными переменными
– факторный анализ
– многомерное шкалирование
– LISREL
Методы с группами латентных переменных
– анализ канонических корреляций
– обобщенный анализ канонических корреляций

В представленных классификациях не отражен один важный момент при выборе подходящей модели данных: способ, согласно которому эти данные измеряются. Предлагаемая классификация отражает свойства соответствующей измерительной шкалы.

Рассмотрим следующие формальные модели данных при предположении, что у нас есть одна или несколько зависимых переменных: $Y = f(X)$, где Y – это зависимая переменная, X – независимая переменная, а f – связывающая функция.

Варианты различных комбинаций этих трех компонентов и определяют тип модели. Например, связывающая функция f может быть линейной или нелинейной, и это приводит к соответствующей модели. С другой стороны, если вектор Y имеет только один элемент, то у нас будет модель с одной зависимой переменной. Размерности X определяет и размерность модели. Различные варианты отражены в таблице 3.

Таблица 3

Классификация наиболее часто используемых моделей с зависимой переменной

Связывающая функция	Переменные				Модель
	Y (зависимая)		X (независимая)		
	Размерность	Шкала	Размерность	Шкала	
Линейная	1	метрическая	1	метрическая	Простая линейная регрессия
	1	метрическая	1	неметрическая	Однофакторный одномерный ДА
	1	Метрическая	> 1	метрическая	Множественная линейная регрессия
	1	метрическая	> 1	неметрическая	Многофакторный ДА
	1	метрическая	> 1	смешенная	Ковариационный анализ
	> 1	метрическая	1	неметрическая	Однофакторный многомерный ДА
	> 1	метрическая	> 1	метрическая	Каноничная корреляция
	1	неметрическая	> 1	неметрическая	Лог-линейный анализ
	1	неметрическая	> 1	метрическая	Дискриминантный анализ
Нелинейная	1	метрическая	> 1	метрическая	Нелинейная регрессия
	1	неметрическая	> 1	смешенная	Логистическая регрессия

Обратим внимание на то, что все показанные здесь классификации являются условными и неполными. Но, несмотря на это, они полезны, потому что дают возможность исследователю оценить свойства данных, которыми он располагает и выбрать такую модель, которая позволяет описать эти данные лучше по предварительно выбранному критерию.

Очевидно, описание указанных здесь методов МСА требует значительного внимания. Нам же целесообразно ограничиться перечислением небольшой части источников, посвященных этим методом: [Гнеденко, 2012, с. 376; Дятлов, 1915, с. 78; Романко, 2017, с. 209; Stevens 2002, с. 558;].

4. Новые подходы.

В XIX веке при применении методов математической статистики в психологических исследованиях, в основном, применялся байесовский подход. В XX веке акцент стал смещаться в сторону частотного подхода. Скорее всего, XXI век будет отмечен взаимным проникновением этих двух подходов. Это хорошо видно по уже нашедших применение в психологии иерархическим и MCMC (Markov Chain Monte Carl) моделям. Также, будет продолжено интенсивное применение методов анализа недостающих и неполных данных в психологических исследованиях [Schafer, 1997, с. 436]. Особое место занимают новые методы для анализа повторных измерений. Этот тип измерения уже становятся стандартом при сборе данных в психологии.

Современная вычислительная техника обеспечивает возможность для быстроты принятия и простоты использования графических методов для представления многомерных данных в психологии, известных как *regsertual mapping* (RM). На основе этих методов разработаны технологии, которые приводят к нормализации размерности. Это может быть как факторный анализ, так и кластерный анализ, многомерное шкалирование, подход дискретного выбора, корреспондентский анализ, дискриминантный анализ и другие [Дятлов, 2018, с. 141; Кляцкин, 2015, с. 259; Козлов, 2018, с. 64; Tabachnik, 2012, с. 243; Симушкин, 2009, с. 68; Наследов, 2016, с. 196; Куликов, 2018, с. 302; Neter, 2004, с. 997; Johnson, 2007, с. 149]. Основной целью RM является выявление скрытых структур, которые могут содержаться в сложных многомерных данных. Основной подход – это, так называемый, биplot. Через создание соответствующей матрицы связи между объектами и их характеристиками графически могут быть представлены взаимосвязи между этими объектами, а также, сгенерированы соответствующие гипотезы. Ниже показан этот подход для типичного примера о предпочтениях к автомобилям. Разные автомобили описываются через несколько важных атрибутов и после этого группе людей, как правило, выборке из изучаемой генеральной совокупности, задают соответствующие вопросы о предпочтениях каждого из этих атрибутов. Часто, как это было сделано и в данном примере, фигурируют важные характеристики респондентов. В этом примере все переменные являются категориальными (неметрическими), а используемый метод – множественный корреспондентский анализ. Биplot, выполненный при помощи статистического пакета SAS, показан на рисунке 1.

Собственники и происхождение автомобиля

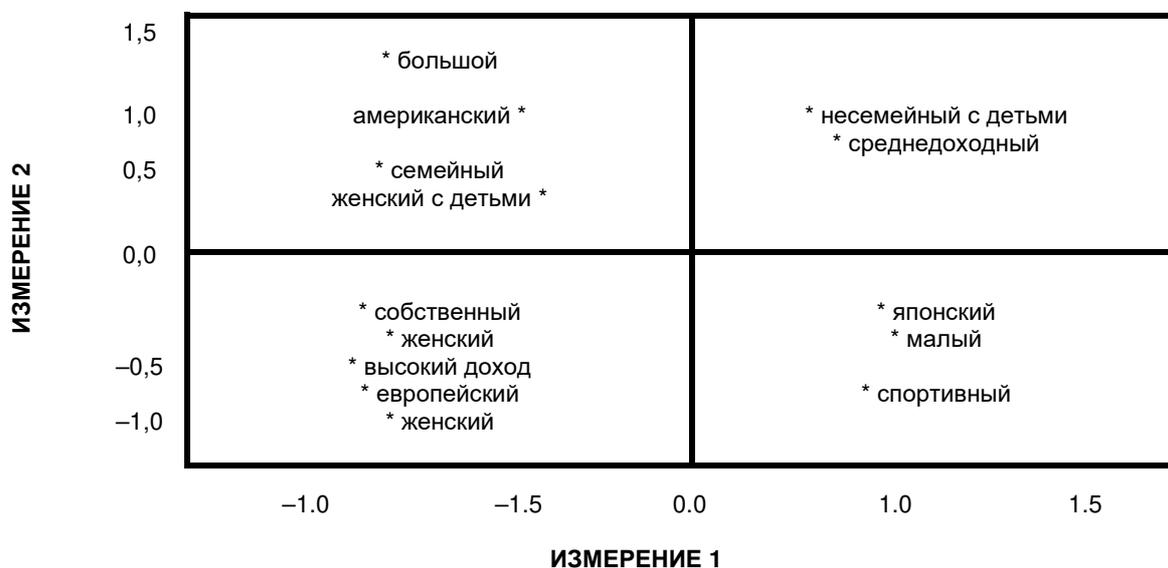


Рисунок 1 – Множественный корреспондентский анализ

5. Заключение.

Методы многомерной статистики являются неотъемлемой частью психологических исследований. Использование этих методов не является очевидным и простым, как часто используемые стандартные одномерные методы. Эффективное и актуальное применение ММА предполагает наличие предварительно известных условий:

- 1) четко сформулированная цель исследования;
- 2) четко определенная модель отношений между атрибутами (переменными);
- 3) ясность в отношении шкал, по которым измеряются переменные.

Кроме того, содержательная интерпретация результатов предполагает, по крайней мере, первичное знание математических методов.

По всей видимости, с появлением компьютеров и доступных статистических пакетов роль многомерных методов в психологических исследованиях будет расти. Наряду с этим будут возрастать и требования к подготовке психологов, которые будут намерены использовать эти методы.

6. Благодарности.

Конфликт интересов (Авторы, Абакумова Ирина Владимировна и Дятлов Александр Викторович заявляют об отсутствии конфликта интересов).

Литература:

1. Гнеденко Б.В. Математические методы в теории надежности: Основные характеристики надежности и их статистический анализ / Б.В. Гнеденко, Ю.К. Беляев, А.Д. Соловьев. М. : КД Либроком, 2019. 584 с.
2. Дятлов А.В. Анализ данных в социологии / А.В. Дятлов, Д.А. Гугуева. Ростов-н/Д. : Издательство Южного федерального университета, 2018. 205 с.
3. Дятлов А.В. Поведенческие науки: применение статистических методов / А.В. Дятлов, П.В. Сажин, Т.Г. Анистратенко. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2015. 242 с.
4. Кляцкин, В.И. Статистический анализ когерентных явлений в стохастических динамических системах. М. : Красанд, 2015. 776 с.
5. Козлов А.Ю. Статистический анализ данных в MS Excel : учебное пособие / А.Ю. Козлов, В.С. Мхитарян, В.Ф. Шишов. М. : Инфра-М, 2018. 80 с.
6. Куликов Е.И. Прикладной статистический анализ. М. : ГЛТ, 2018. 464 с.
7. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб. : Питер, 2016. 416 с.
8. Романко В.К. Статистический анализ данных в психологии : учебное пособие. М. : БИНОМ. ЛЗ, 2017. 312 с.
9. Сошникова Л.А. Многомерный статистический анализ в экономике / Л.А. Сошникова, В.Н. Томашевич, Г. Учебе, М. Шефер. М. : Юнити, 1999. 598 с.
10. Симушкин С.В. Многомерный статистический анализ. Казань : Казанский государственный университет, 2009. 114 с.
11. Терещенко О.В. Многомерный статистический анализ данных в социальных науках. Мн. : БГУ, 2012. 239 с.
12. Johnson R.A. Applied multivariate analysis (6th ed.), Pearson Education, Prentice Hall, Inc., New Jersey / R.A. Johnson, D.W. Wichern. 2007. 769 p.
13. Neter J. Applied linear statistical models. 2nd ed. IRWIN, Homewood, Illinois / J. Neter, W. Wasserman, M.H. Kutner. 2004. 1424.
14. Schafer J.L. Analysis of incomplete multivariate data, Chapman&Hall. CRC, Boca Raton. 1997. 444 p.
15. Stevens J. Applied multivariate statistics for the social sciences. 4rd ed. LEA, Mahwah, New Jersey. 2002. 699 p.
16. Tabachnik B.G. Using multivariate statistics. 6th ed. Allyn and Bacon / B.G. Tabachnik, L.S. Fidell. Boston, 2012. 983 p.
17. Jacq J. Multivariate analysis techniques in social science research. from problem to analysis. Sage Publications, London, 1998. 432 p.

Literature:

1. Gnedenko B.V. Mathematical methods in the theory of reliability: the Main characteristics of reliability and their statistical analysis / B.V. Gnedenko, Yu.K. Belyaev, A.D. Soloviev. M. : Librokom KD, 2019. 584 с.
2. Dyatlov A.V. Data Analysis in sociology-Rostov-on-don: southern Federal University Press / A.V. Dyatlov, D.A. Gugueva. 2018. 205 p
3. Dyatlov A.V. Behavioral Sciences: application of statistical methods / A.V. Dyatlov, P.V. Sazhin, T.G. Anistratenko. Rostov-on/D. : Foundation for science and education, 2015. 242 p.
4. Klyatskin V.I. Statistical analysis of coherent phenomena in stochastic dynamic systems. M. : Krasang, 2015. 776 p.
5. Kozlov A.Yu. Statistical data analysis in MS Excel : textbook / A.Yu. Kozlov, V.S. Mkhitaryan, V.F. Shishov. M. : Infra-M, 2018. 80 p.
6. Kulikov E.I. Applied statistical analysis. M. : GLT, 2018. 464 p.
7. Legacies A.D. IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis. SPb. : Peter, 2016. 416 p.
8. Romanko V.K. Statistical data analysis in psychology : textbook. M. : BINOM. LZ, 2017. 312 p.

9. Soshnikova L.A. Multivariate statistical analysis in Economics / L.A. Soshnikova, V.N. Tomashevich, G. Uchebe, M. Schaefer. M. : Unity, 1999. 598 p.
10. Simushkin S.V. Multivariate statistical analysis. Kazan : Kazan state University, 2009. 114 p.
11. Telesena O. V. Multivariate statistical analysis in the social Sciences. Mn. : BSU, 2012. 239 p.
12. Johnson R.A. Applied multivariate analysis. 6th ed. Pearson Education, Prentice Hall, Inc., New Jersey / R.A. Johnson, D.W. Wichern. 2007. 769 p.
13. Neter J. Applied linear statistical models. 2nd ed. IRWIN, Homewood, Illinois / J. Neter, W. Wasserman, M.H. Kutner. 2004. 1424.
14. Schafer J.L. Analysis of incomplete multivariate data, Chapman&Hall. CRC, Boca Raton. 1997. 444 p.
15. Stevens J. Applied multivariate statistics for the social sciences. 4rd ed. LEA, Mahwah, New Jersey. 2002. 699 p.
16. Tabachnik B.G. Using multivariate statistics. 6th ed. Allyn and Bacon / B.G. Tabachnik, L.S. Fidel. Boston, 2012. 983 p.
17. Jacq J. Multivariate analysis techniques in social science research. from problem to analysis. Sage Publications, London, 1998. 432 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ
СТУДЕНТОВ ЮРИСТОВ**



**COMMUNICATIVE PROBLEMS OF FOREIGN-LANGUAGE IN FORMATION
OF PROFESSIONAL SKILLS OF LAW STUDENTS**

Лабашева Наталья Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
иностранных языков № 1,
Кубанский государственный
технологический университет
labdoc23@mail.ru

Natalya A. Labasheva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
Foreign Language № 1,
Kuban State Technological University,
Labdoc23@mail.ru

Мирошниченко Елена Андреевна

старший преподаватель
кафедры иностранных языков № 1,
Кубанский государственный
технологический университет
elenamir2110@mail.ru

Elena A. Miroshnichenko

Senior teacher of the Departments
of Foreign Languages № 1,
Kuban State Technological University
elenamir2110@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу актуальности профессии юриста, ее востребованности, серьезной конкуренции в этой области. Рассматривается возможность повышения конкурентоспособности среди молодых специалистов путем приобретения дополнительных навыков, умений и квалификаций. Одним из таких инструментов выступает владение иностранным языком. Компетентность – это основная характеристика фундаментальной подготовленности студентов. В частности, умение переводить документы на иностранный язык становится неотъемлемой частью работы юриста в международных кампаниях. Существенной особенностью перевода юридической документации является эквивалентность перевода юридических терминов. В статье описаны способы подготовки студентов в переводе юридической лексики, приведены примеры: тестирование по чтению, говорению, умозаключению, устной (монологической) речи. Тема является предметом научных исследований и рекомендуется аспирантам, соискателям, преподавателям.

Ключевые слова:

юрист, юридический перевод, юридический текст, юридическая терминология, эквивалентность, государственный, профессиональный, правоприменительный, стиль, системность, лексический, морфологический, эмоциональность, номинальность, абстрактность, логичность, общение, информация, содержание, рефлексия.

Annotation.

Article is devoted to a question of relevance of a profession of the lawyer, its demand, the serious competition in this area. The possibility of improving competitiveness among young specialists by acquisition of additional skills, abilities and qualifications is considered. Foreign language skills act as one of such tools. The competence is the main characteristic of fundamental readiness of students. In particular, ability to translate documents into a foreign language to become an integral part of work of the lawyer in the international campaigns. Essential feature of the translation of legal documentation is the equivalence of the translation of legal terms. In article ways of training of students in translation of legal lexicon are described, examples

are given: testing on reading, speaking, conclusion, oral (monological) speech. The subject is a subject of scientific research and is recommended to graduate students, applicants, teachers.

Keywords: lawyer, legal translation, legal text, legal language, equivalence, state, professional, law-enforcement, style, systemacity, lexical, morphological, emotionality, nominalnost, abstractness, logicality, communication, information, contents, reflection.

Юрист (лат. «*juris*» – право) – это профессионал в сфере юридических наук. Система знаний, умений, навыков определяет конечный уровень компетентности обучаемого. По Ю.К. Черновой, компетентность – это основная характеристика фундаментальной подготовленности студентов. Среди источников информации важное место занимает анкетный опрос студентов юристов с целью определения степени сформированности их отношения к предстоящей профессиональной деятельности, закреплению профессионального выбора.

Этот срез включал определение предшествующего уровня грамматических навыков владения иностранным языком студентов юристов I курса. В качестве основного критерия оценки здесь являются: языковая корректность, степень выраженности которой указываю в условных баллах. Все критерии уровня обученности по иностранному языку, использованные в эксперименте, были заимствованы у В.С. Цетлин.

Результаты тестирования свидетельствуют о низком уровне грамматических навыков владения английским языком у студентов юристов I курса за среднюю школу, качественный показатель языковой корректности в основном около 50 %. Его повышение в 2019 году связано с тем, что с целью улучшения предшествующей подготовки по иностранному языку для абитуриентов организованы индивидуальные и групповые занятия и введен «нулевой семестр».

Вторая серия тестов была направлена на определение сформированности навыков чтения у студентов I курса. В качестве критериев оценки использованы следующие показатели:

- объем текста;
- время, затраченное на его чтение;
- точность понимания и глубина понимания текста.

Степень выраженности критериев оценивалась в условных баллах.

Анализ результатов тестирования показывает низкий уровень сформированности навыков чтения у студентов I курса по всем критериям, его средний уровень около или чуть превышает три балла, что означает наличие значительных отклонений от критерия.

Для всестороннего анализа предшествующей подготовки студентов I курса и их готовности и к освоению профессионально направленного обучения иностранному языку проводилась проверка сформированности навыков владения всеми видами речевой деятельности, включая навыки устной речи. Для оценки сформированности навыков устной (монологической) речи использовались такие критерии как:

- соответствие коммуникативной задаче;
- количество фраз, построенных по модели;
- разнообразие моделей;
- грамматическая корректность.

Их выраженность оценивалась в условных баллах. В качестве основной коммуникативной задачи предлагалось сделать сообщение на одну из тем социально-бытовой сферы общения.

Результаты тестирования свидетельствуют о значительном отклонении от требуемого критерия, средний уровень оценок по критериям около трех условных баллов. Студенты юристы I курса предъявляли монологическое высказывания на уровне заученного текста, количество фраз и разнообразие моделей, не соответствующие требованиям к знаниям выпускникам средней школы; то же можно сказать о грамматической корректности монологической речи. Поскольку владение навыками устной речи предполагает владение навыками диалогической речи, нами был проведен анализ сформированности этих навыков у студентов юристов I курса.

Критерии оценки диалогической и монологической речи являются одинаковыми. В качестве основной коммуникативной задачи, студентам было предложено запросить нужную информацию или предоставить информацию в ответ на ее запрос.

Анализ результатов тестирования показал, что средний уровень ответов по критериям не превышает трех условных баллов, что свидетельствует о значительном отклонении от требуемого критерия. Студентам юристам I курса с трудом удается запросить нужную информацию в соответствии с грамматическими нормами языка, дать правильный ответ на запрос информации, используя развернутые реплики и разнообразие моделей.

Предэкспериментальный срез предшествующего уровня подготовки студентов юристов I курса юридической специальности по иностранному языку показал недостаточную готовность выпускников средней школы к освоению программы профессионально направленного обучения этому предмету и послужил основанием для разработки соответствующих мер, направленных на ликвидацию существующих недостатков.

Анкетный опрос студентов I курса (было опрошено 70 студентов) с целью определения их мотивации и готовности к изучению иностранного языка показал следующее:

1. Отношение к изучению иностранного языка:
 - совсем не обязателен для изучения 0 %
 - может быть востребован 8 %
 - необходим для изучения 92 %
2. Знание иностранного языка необходимо:
 - для общего развития 0 %
 - для возможного общения с иностранцами 8 %
 - для профессионального роста 92 %
3. Мотивация к изучению иностранного языка:
 - интерес к предмету 13 %
 - необходимость для будущей профессии 75 %
 - пригодится в жизни 12 %
4. Значение изучения иностранного языка для профессиональной деятельности:
 - никакого 0 %
 - поможет расширить профессиональные возможности 42 %
 - поможет стать хорошим специалистом 50 %
 - повысит материальные возможности 8 %
5. Уровень знаний по иностранному языку:
 - недостаточный 58 %
 - есть отдельные проблемы по грамматике, лексике, чтению, устной речи 26 %
 - не вызывает проблем 16 %

Анкетирование показало, что первокурсники юристы имеют достаточный уровень мотивации для профессионально направленного изучения иностранного языка (75 %), понимают его значимость и необходимость в предстоящей профессиональной деятельности (92 %), а, вместе с тем, оценивают свои знания по иностранному языку как несоответствующие требованиям по данному предмету (84 %).

Результаты предэкспериментального среза (тестирование и анкетный опрос) выявили недостаточную готовность выпускников средней школы к освоению программы профессионально направленного обучения иностранному языку, предусматривающей повышенный уровень подготовки по этому предмету.

С целью ликвидации пробелов в знаниях по иностранному языку выпускников средних школ проводится индивидуальная и групповая курсовая подготовка абитуриентов по иностранному языку, введен «нулевой семестр».

Экспериментально-опытное обучение включало экспертную оценку качества усвоения предмета с помощью анализа контрольных тестов, итогов семестровых экзаменов.

Контрольные тесты выявили степень выраженности такого критерия как языковая корректность, предусматривающего умения студентов III курса выражать свои мысли в соответствии с нормами английского языка на материале их будущей специальности.

Итоги контрольного теста подтвердили сформированность умений у студентов решать коммуникативные задачи, связанные с их предстоящей профессиональной деятельностью в соответствии с нормами английского языка. Качественный показатель выраженности критерия составляет 75 %, 88 %. Критерий выражен полностью и достаточно хорошо у 72,1 % студентов, у 71,3 % студентов.

Для анализа успешности освоения студентами предлагаемого курса профессионально направленного обучения иностранному языку в учебном плане подготовки определенного профиля были введены промежуточные виды аттестации студентов, такие как семестровый экзамен и реферирование иностранной литературы по специальности. В задачу семестрового экзамена входило: определить уровень сформированности у студентов навыков решения коммуникативных задач, связанных с иноязычным профессиональным общением, степень функциональной адекватности и языковую корректность. Указанные критерии мы объединили в один интегральный критерий – адекватность речевого поведения. Семестровый экзамен ставил целью определить сформированность как навыков чтения, так и устной речи.

Результаты семестрового экзамена по иностранному языку у студентов III курса показали, что интегральный критерий – адекватность речевого поведения выражен полностью у 15 % студентов (2019 г), 38 % (2020 г), критерий выражен достаточно хорошо, неточности незначительны у 50 % студентов (2019 г) и у 23,8 % студентов (2020 г), имеются значительные отклонения от критерия у 35 % студентов (2019) и у 38 % студентов (2020 г). Вышеуказанные отклонения от критерия у 35 % студентов (2019 г), у 38 % студентов (2020 г) связаны с тем, что большую трудность для студентов составляло чтение текстов и их краткое изложение, выделение основного содержания, глубина понимания и время, затраченное на чтение, также не полностью удовлетворяли требованиям. Поэтому в учебном процессе по изучению иностранного языка были произведены корректировки: автором было предложено проводить обучение навыкам чтения концентрированно.

Постэкспериментальный срез и оценка общей эффективности предлагаемой системы профессионально направленного обучения иностранному языку студентов проводились по результатам итоговой контрольной работы, выпускного итогового экзамена, реферирования иностранной литературы по специальности, итогам государственных экзаменов по иностранному языку.

Итоговая контрольная работа была проведена с целью определения сформированности навыков у студентов IV курса выражать свои мысли на иностранном языке на материале их будущей профессии. Воссоздание предметного, социального аспектов будущего труда в обучении позволяет сформировать структуру профессиональных способностей, связанных с иноязычной речевой деятельностью. Эти условия являются оптимальными и для трансформации учебной мотивации в профессиональную, которая выступает как активный момент процесса формирования профессионально важных качеств. Основным критерием оценки была языковая корректность, степень выраженности, которая определялась в условных баллах.

Анализ полученных результатов показывает, что критерий (языковая корректность) выражена полностью и достаточно хорошо у 76,5 % студентов (2019 г), у 65 % студентов (2020 г). Данные свидетельствуют о том, что большинство студентов умеют выражать свои мысли на иностранном языке в соответствии с его нормами и правильно использовать профессиональную лексику, знают терминологию.

Выпускной экзамен по иностранному языку студентов ставил своей целью проверить знания, умения и навыки студентов по этому предмету, их соответствие потребностям профессионального иноязычного общения. Экзамен включал контроль навыков устной речи (монологическая и диалогическая речь на материале специальности), контроль навыков чтения (поиск, извлечение нужной информации из иноязычных источников и ее презентация на английском языке). В качестве критерия оценки нами был использован интегральный критерий – адекватность речевого поведения, включающий в себя: сформированность навыков решения коммуникативных задач, степень функциональной адекватности и языковую корректность юриста.

Литература:

1. Лабашева Н.А. Проектирование профессионально ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов высших учебных заведений. Краснодар, 2020
2. Лабашева Н.А. Концепция процесса мышления как фактор успешности в современном мире. Сб: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования / Н.А. Лабашева, О.А. Лялюк // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 135–141. URL : <https://kubstu.ru/data/celist/CE2040.pdf>
3. Лабашева Н.А. Особенности интонации русского языка в нерусской аудитории как средство формирования коммуникативной культуры / Н.А. Лабашева, И.И. Трубочанинова // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4.
4. Лабашева Н.А. Актуальные проблемы речевой культуры // Научные труды КубГТУ. Краснодар, 2016. № 4.
5. Купавская А.А. Особенности самостоятельной работы студентов при очно-заочном обучении иностранному языку / А.А. Купавская, Е.И. Соболева // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 2019 г. Краснодар : Изд. КубГТУ, 2019.
6. Купавская А.А. Использование классических и нестандартных методик в процессе изучения английского языка студентами технических специальностей. Филологические и социо-

культурные вопросы науки и образования / А.А. Купавская, Е.И. Соболева, А.А. Шаршак // Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 2019 г. Краснодар : Изд. КубГТУ, 2019.

Literature:

1. Labasheva N.A. Design of professionally oriented teaching of foreign language speech communication to students of higher educational institutions. Krasnodar, 2020.
2. Labasheva N.A. The Concept of the thinking process as a success factor in the modern world. SB: Philological and socio-cultural issues of science and education / N.A. Labasheva, O.A. Lya-lyuk // Collection of materials of the III International scientific and practical conference. 2018. P. 135–141. URL: <https://kubstu.ru/data/celest/CE2040.pdf>
3. Labasheva N.A. Features of intonation of the Russian language in a non-Russian audience as a means of forming a communicative culture / N.A. Labasheva, I.I. Trubchaninova // Scientific works of the Kuban state University. 2016. № 4.
4. Labasheva N.A. Actual problems of speech culture. Scientific works of the Kuban state University. Krasnodar, 2016. № 4.
5. Kopaska A.A. Peculiarities of independent work of students in part-time foreign language teaching / A.A. Kopaska, E.I. Soboleva // Linguistic and socio-cultural issues of science and education: proceedings of the IV International scientific-practical part-time conference 2019. Krasnodar : Publishing house. Kuban State University, 2019.
6. Kupavskaya A.A. The Use of classical and non-standard methods in the process of learning English by students of technical specialties. Philological and socio-cultural issues of science and education / A.A. Kupavskaya, E.I. Soboleva, A.A. Sharshak // Collection of materials of the IV International scientific and practical full-time and correspondence conference, 2019. Krasnodar : KubSTU publishing House, 2019.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО НАПРАВЛЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЮРИСТОВ



FORMATION COMPETENCES OF PROFESSIONALLY DIRECTED TRAINING LAW STUDENTS IN A FOREIGN LANGUAGE

Лабашева Наталья Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
иностранный язык № 1,
Кубанский государственный
технологический университет
labdoc23@mail.ru

Natalya A. Labasheva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
Foreign Language № 1,
Kuban State Technological University,
Labdoc23@mail.ru

Серeda Полина Витальевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
иностранный язык № 1,
Кубанский государственный
технологический университет
polinapost@mail.ru

Polina V. Sereda

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department
Foreign Language № 1,
Kuban State Technological University,
polinapost@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуализации вопроса формирования компетенций профессионально направленного обучения иностранному языку студентов юристов, в частности, выявлению эффективности по средством опытного и экспериментального исследования, которое соединяет теоретические исследования и практическую организацию учебно-воспитательного процесса у студентов юридической специальности. Иноязычная речевая деятельность выступает средством решения профессионально-предметных задач будущего специалиста. Авторами последовательно представлен процесс опытной работы, предварительная разработка принципиальных теоретических положений, подготовка необходимой для эксперимента методической базы. Существующая система формирования компетенций профессионально направленного обучения иностранному языку студентов юристов является актуальной, однако, имеются сильные и слабые стороны, которые требуют систематизации, исследования, а также - изучения новых методов и способов обучения студентов юристов иноязычному речевому общению. Тема является предметом научных исследований и рекомендуется аспирантам, соискателям, преподавателям.

**Ключевые
слова:**

юридический, государственный, профессиональный, правоприменительный, стиль, системность, лексический, морфологический, эмоциональность, номинальность, абстрактность, логичность, общение, информация, содержание, рефлексия.

Annotation. Article is devoted updating of a question of formation of competences of professionally directed training in a foreign language of law students, in particular identification of efficiency on means of a skilled and pilot study which connects theoretical researches and the practical organization of teaching and educational process of students of legal specialty. Foreign-language speech activity acts as a cure of professional and subject tasks of future expert. Authors consistently presented process of skilled work, preliminary development of basic theoretical provisions, preparation of methodical base, necessary for an experiment. The existing system of formation of

competences of professionally directed training in a foreign language of law students is relevant, however there are strong also weaknesses which demand systematization, a research and also studying of new methods and ways of training of law students in foreign-language speech communication. The subject is a subject of scientific research and is recommended to graduate students, applicants, teachers.

Keywords:

legal, state, professional, law-enforcement, style, systemacity, lexical, morphological, emotionality, nominalnost, abstractness, logicality, communication, information, contents, reflection.

Общая направленность опытной работы и экспериментальных исследований состояла в выявлении эффективности и апробации разработанной системы профессионально направленного обучения, а также, в проверке формирования компетенций.

Эксперимент по своему характеру является формирующим, обучающим. В его основе лежит поиск конкретных путей реализации разрабатываемой системы. В опытной и экспериментальной работе соединяются теоретические исследования и практическая организация учебно-воспитательного процесса по профессионально направленному обучению иностранному языку студентов юридической специальности академии. Благодаря этому, такая подготовка одновременно с повышением качества обучения иностранному языку обеспечивает формирование качеств современного конкурентоспособного специалиста, владеющего иностранным языком в своей профессиональной сфере [1].

Включение учебной деятельности по иностранному языку в аналог будущего производственного труда – основная предпосылка формирования и развития профессионально важных качеств у специалиста, связанных с иноязычной речевой деятельностью. Необходимым педагогическим условием является такая организация занятий, при которой иноязычная речевая деятельность выступает средством решения профессионально-предметных задач будущего специалиста.

Основные направления организации эксперимента заключались в разработке системы профессионально направленного обучения иностранному языку, проектировании технологии экспериментального учебно-воспитательного процесса, в контроле за ходом эксперимента и регистрации его результатов [2].

Опытной и экспериментальной работе предшествовал подготовительный этап, который включал предварительную разработку принципиальных теоретических положений, концепции и аппарата исследования, подготовку необходимой для эксперимента методической, материально-технической базы. Разработка научных основ системы профессионально направленного обучения иностранному языку студентов юридической специальности была связана с библиографическим поиском и изучением литературы по теме, изучением состояния проблемы в существующей практике, методологическим, психолого-педагогическим обоснованием концепции и гипотезы исследования, с разработкой модели специалиста, владеющего иностранным языком в своей профессиональной области и модели организации учебного процесса по его подготовке. Организационное обеспечение предусматривало подготовку исследовательской документации, привлечение преподавателей и студентов для проведения эксперимента, проведение координационных совещаний.

Методическое обеспечение экспериментального учебно-воспитательного процесса включало разработку экспериментального учебного плана, экспериментальной программы профессионально направленного обучения иностранному языку студентов юридической специальности, календарно-тематических планов, уточнение методических подходов к преподаванию, отбор наиболее эффективных учебных, наглядных, дидактических материалов.

Материально-техническое обеспечение экспериментальной работы включало оснащение экспериментального учебно-воспитательного процесса необходимыми средствами для успешной реализации системы: аудио- и видеокурсами, учебниками и учебными пособиями, компьютерной базой и программами, а также преподавательскими кадрами. Экспериментальная работа включала:

- предэкспериментальный срез;
- экспериментально-опытное обучение;
- постэкспериментальный срез и оценку эффективности предлагаемой системы профессионально направленного обучения иностранному языку в целом и отдельных методических приемов [3].

Предэкспериментальный срез состоял из серии тестов, анкетирования студентов. Цель предэкспериментального среза заключалась в определении исходного уровня владения иностранным языком студентов за курс основной и полной средней школы. Его целью являлось определение готовности студентов к профессионально направленному обучению иностранному языку в высшем учебном заведении. Тест по определению сформированности базовых навыков и умений по иностранному языку студентов за курс основной и полной средней школы (для обучающихся на базе 9 и 11 классов) включал задания по грамматике, чтению, говорению. Впоследствии его результаты были использованы для включения иностранного языка в перечень вступительных испытаний абитуриентов, и введения в программу обучения «нулевого цикла» для выравнивания и корректировки базовых умений и навыков по иностранному языку. Одной из задач предэкспериментального среза явилось определение личной потребности, интересов, а значит мотивированности изучения иностранного языка студентами. В последующем эти результаты были использованы в определении сфер иноязычного общения, что составило основу разработки предлагаемой системы.

Проведение экспериментально-опытного обучения иностранному языку студентов было основано на реализации моделирования иноязычного профессионального общения и процесса обучения этому общению посредством разработанных методических приемов. Целью его проведения было апробирование предлагаемой системы профессионально направленного обучения иностранному языку и внесение возможных корректив в ход его проведения. Например, опыт показал, что целесообразнее проводить реферирование иноязычной литературы по специальности не на IV, а на III курсе обучения, вследствие особенностей профессиональной подготовки и графика учебного процесса [4].

Постэкспериментальный срез и оценка эффективности разработанной системы профессионально направленного обучения иностранному языку студентов велась в двух направлениях:

- выявление общей эффективности и доступности предлагаемой системы профессионально направленного обучения иностранному языку;
- определение наиболее действенных методических приемов, форм и средств обучения профессиональному иноязычному общению [5].

Оценка общей эффективности системы профессионально направленного обучения иностранному языку проводилась на основе количественных и качественных показателей. Для этого была осуществлена разработка показателей и критериев оценки.

В качестве критериев, характеризующих умения профессионального иноязычного общения и свидетельствующих об успешности реализации коммуникативной задачи, были использованы:

- аутентичность иноязычного речевого поведения ситуациям и задачам профессионального общения;
- степень функциональной адекватности;
- языковая корректность.

Выделенные критерии мы объединили в интегративный критерий — адекватность речевого поведения [6]. Отслеживание результатов эксперимента велось по нескольким направлениям: в процессе осуществления текущего и итогового контроля посредством анализа контрольных срезов, результатов семестровых и государственных экзаменов по иностранному языку, реферирования, входных и выходных тестирований. Таким образом, проверялась сформированность навыков иноязычного общения, необходимых в предстоящей профессиональной деятельности и определяемых требованиями программы.

Литература:

1. Лабашева Н.А. Проектирование профессионально-ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов высших учебных заведений. Краснодар, 2020.
2. Лабашева Н.А. Концепция процесса мышления как фактор успешности в современном мире. Сб: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования / Н.А. Лабашева, О.А. Лялюк // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 135–141. URL : <https://kubstu.ru/data/celist/CE2040.pdf>
3. Лабашева Н.А. Особенности интонации русского языка в нерусской аудитории как средство формирования коммуникативной культуры / Н.А. Лабашева, И.И. Трубочанинова // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4.

4. Лабашева Н.А. Актуальные проблемы речевой культуры // Научные труды КубГТУ. Краснодар, 2016. № 4.
5. Купавская А.А. Особенности самостоятельной работы студентов при очно-заочном обучении иностранному языку / А.А. Купавская, Е.И. Соболева // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 2019 г. Краснодар : Изд. КубГТУ, 2019.
6. Купавская А.А. Использование классических и нестандартных методик в процессе изучения английского языка студентами технических специальностей / А.А. Купавская, Е.И. Соболева, А.А. Шаршак // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 2019 г. Краснодар : Изд. КубГТУ, 2019.

Literature:

1. Labasheva N.A. Design of professionally oriented teaching of foreign language speech communication to students of higher educational institutions. Krasnodar, 2020.
2. Labasheva N.A. The Concept of the thinking process as a success factor in the modern world. SB: Philological and socio-cultural issues of science and education / N.A. Labasheva, O.A. Lya-lyuk // Collection of materials of the III International scientific and practical conference. 2018. P. 135–141. URL : <https://kubstu.ru/data/elist/CE2040.pdf>
3. Labasheva N.A. Features of intonation of the Russian language in a non-Russian audience as a means of forming a communicative culture / N.A. Labasheva, I.I. Trubchaninova // Scientific works of the Kuban State University. 2016. № 4.
4. Labasheva N.A. Actual problems of speech culture. Scientific works of the Kuban State University. Krasnodar, 2016. № 4.
5. Kopaska A.A. Peculiarities of independent work of students in part-time foreign language teaching / A.A. Kopaska, E.I. Soboleva // Linguistic and socio-cultural issues of science and education: proceedings of the IV International scientific-practical part-time conference 2019. Krasnodar : Publishing house. Kuban State University, 2019.
6. Kupavskaya A.A. The Use of classical and non-standard methods in the process of learning English by students of technical specialties / A.A. Kupavskaya, E.I. Soboleva, A.A. Sharshak // Philological and socio-cultural issues of science and education: Collection of materials of the IV International scientific and practical full-time and correspondence conference, 2019. Krasnodar : KubSTU publishing House, 2019.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РОЛЬ ИГРОТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ



THE ROLE OF TECHNOLOGY IN THE SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Афанасьева Ольга Олеговна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной работы,
координатор образовательных
программ по русскому жестовому языку,
Российский государственный
социальный университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Olga Afanasyeva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of Social work,
Coordinator of Education
Russian Sign Language Programs,
Russian State
Social University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Вовк Анна Владимировна

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Anna V. Vovk

Applicant,
Essentucky Institute
Governance, Business and Rights
vladimirgrishai1969@mail.ru

Семенихина Мария Андреевна

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Maria A. Semenikhina

Applicant,
Essentucky Institute
Governance, Business and Rights
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация. В наше время процесс реабилитации является предметом исследования специалистов многих отраслей научного знания. Однако проблемы реабилитации инвалидов, особенно детей-инвалидов, в отечественной литературе все еще не являются предметом специального исследования, хотя проблема реабилитации детей, подростков и взрослых с нарушениями психического и физического развития весьма актуальна и в теоретическом, и в практическом отношении. Исследованию этой проблемы и посвящена данная статья.

**Ключевые
слова:**

общество, личность, социализация, дети-инвалиды, реабилитация, игротерапия.

Annotation. Nowadays, the rehabilitation process is the subject of research by specialists in many branches of scientific knowledge. However, the problems of rehabilitation of disabled people, especially children with disabilities, are still not the subject of special research in Russian literature, although the problem of rehabilitation of children, adolescents and adults with mental and physical development disorders is very relevant both in theory and in practice. This article is devoted to the study of this problem.

Keywords:

society, personality, socialization, children with disabilities, rehabilitation, game-based rehabilitation.

Игровая форма реабилитации больных детей признается одной из самых успешных – прежде всего, ребенок получает положительные эмоции, которые являются лучшим лекарством, также формируются некоторые нравственные устои. Использование игротерапии в организации восстановительного периода по улучшению самочувствия детей со сходными ме-

дико-психологическими показаниями обусловлено тем, что игра остается наиболее освоенным и органичным видом деятельности и общения, существует единство психологической природы игры и общения и в игре ребенок может свободно выражать себя. В условных обстоятельствах игра моделирует действительность, дает возможность ребенку переживать ощущение удачи, успеха, помогает раскрыть свои физические, умственные способности. В обстановке игры проявляется личность ребенка.

Работа по применению разнообразных форм деятельности в сфере игры: непосредственное проведение игр для детей с ограниченными возможностями, организация для них специализированных игровых комнат – игротек, совместное создание и организация деятельности игровых площадок для детей-инвалидов – всегда предусматривает четкое осознание особенностей, целей, задач и определенной последовательности или плана действий. Это – своеобразные программы работы в области игротерапии, поскольку коррекционно-педагогическая деятельность эффективна лишь при наличии заранее продуманной стратегии и методики деятельности воспитателей и организаторов.

Осуществление игровых программ, ориентированных на детей с инвалидностью, является важной составной частью программ по социально-педагогической реабилитации инвалидов и важной стороной состояния игровой культуры общества, поскольку дети с ограниченными возможностями являются его частью.

Использование игры с лечебной целью известно давно. Еще в начале XX в. Я.Я. Морено обратил внимание на значение свободного воспроизведения детьми их проблем в играх. В 1920–1930 гг. детские психоаналитики А. Френд и М. Кляйн впервые обратились к использованию игры для преодоления проблем ребенка. Метод игровой коррекции был разработан петербургским психотерапевтом А.И. Захаровым. Игровая психотерапия активно применяется в настоящее время.

Существует множество подходов к определению игры, в каждом из которых отражаются важные аспекты этого удивительного и важного для развития ребенка вида активности. Так, Г.П. Щедровицкий определил характеристики, раскрывающие общие подходы к этой проблеме.

Игра есть:

- 1) особое отношение ребенка к окружающему миру;
- 2) особая деятельность ребенка, которая изменяется и разворачивается как его субъективная деятельность;
- 3) социально заданный, навязанный ребенку и усвоенный им вид деятельности (или отношения к миру);
- 4) особое содержание усвоения (или усвоенное содержание);
- 5) деятельность, в ходе которой происходит усвоение самых разнообразных содержания и развитие психики ребенка;
- 6) социально-педагогическая форма организации всей детской жизни, «детского общества».

Ст. Холл и П.П. Блонский выводили игру из взаимодействия двух факторов: биологической природы ребенка и воздействий социальной среды. Л.С. Выготский подчеркивал «культурный» характер и историческое происхождение игры.

К.Д. Ушинский, Дж. Селли, К. Бюллер, В. Штерн рассматривали игру как проявление воображения или фантазии, приводимой в движение разнообразными аффективными тенденциями. Другие ученые – среди них А.И. Сикорский и Дж. Дьюи – связывали игру с развитием мышления.

История педагогики повествует: в 1837 году немецкий педагог Фридрих Фребель (21.04.1782 – 21.06.1852) открыл в Бланкенбурге учреждение для игр и занятий маленьких детей и назвал его «Kindergarten» («Детский сад»), вкладывая в это слово вполне определенный смысл: дети нуждаются в особых условиях воспитания, так как их мир отличается от нашего.

С точки зрения теории деятельности (А.Н. Леонтьев, 1972, Д.Б. Эльконин, 1978), истинная игра как, присущая человеческому виду деятельность – это сюжетно-ролевая игра, происходящая в воображаемой ситуации, где играющие согласованно принимают роли и взаимодействуют в рамках некоторого сценария. К такой зрелой игровой деятельности дети становятся способны лишь в дошкольном возрасте. Периоду раннего детства отводится роль подготовительного периода, в котором у ребенка в процессе взаимодействия с бытовыми предметами, игрушками и взрослыми формируются игровые действия.

С позиций конструктивизма игра – это важнейшая часть процесса конструирования знаний при взаимодействии ребенка с физическим и социальным миром (Levin, 1996). Игра начи-

нается с младенчества как исследование себя и окружения («сенсомоторная игра» по Ж. Пиаже (1968), «сенсорная игра» по Jones & Reynolds, (1992). Затем, приобретенные знания ребенок репрезентирует в более сложной «проективной» (Jennings, 1995) игре с разными игрушками и материалами. При этом игра уже носит символический характер, в ней постепенно развиваются связность отдельных репрезентаций в сюжетную линию и первые признаки принятия ролей и контроля за ходом игры, что в дальнейшем перерастает в драматическую игру.

Важнейшими атрибутами игры по Sponseller (1982), являются: внутренняя мотивация, внутренний контроль и внутренняя реальность. В культурологии наиболее авторитетным исследователем игры считается Й. Хейзинга («Человек играющий», 1938), который рассматривал игру как врожденную способность, присущую человеку и многим животным. В отличие от животных, человек как качественно более развитое живое существо обладает уникальными физическими и нервными ресурсами для игровой деятельности.

Накопленная тысячелетиями культура делает игру ребенка и взрослого социальной и исторически-конкретной по своему содержанию. Согласно Й. Хейзинге, игра – это деятельность, характеризующаяся свободой, отвлеченностью от первичных потребностей, напряжением, удовольствием, забавой, упорядоченностью, цикличностью, изолированностью в месте и во времени; она имеет развивающий и коммуникативный смыслы [14].

Игра, по точному выражению крупнейшего отечественного психолога С.Л. Рубинштейна [7], является «практикой развития». Единство развивающих возможностей игры для формирования личности ребенка, в том числе, ребенка-инвалида, осуществляется:

- во-первых, средствами разумной организации разносторонней игровой деятельности, доступной каждому ребенку с учетом степени и вида его инвалидности,
- во-вторых, путем осуществления специальных игровых программ, имеющих как общеразвивающий, так и специализированный характер (к последним следует отнести разные направления игротерапии, включая куклотерапию, театротерапию и др.).

Исследователи выделяют характерные черты игры:

- а) создание мнимой ситуации (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.И. Леонтьев);
 - б) наличие ролевой функции индивидуума (Э. Берн, Г.Л. Лэндрет, А.И. Леонтьев);
 - в) формирование сюжета игры (Д.Б. Эльконин);
 - г) познавательный характер игры (Р. Акт, В. Штерн);
 - е) возможности изменить поведение человека против его воли (Д.Б. Эльконин).
- д) оздоровительный характер игры (по мнению Г.Л. Лэндрет / здоров тот, кто умеет любить, работать и играть»); Вопросы реабилитационного потенциала игры освещены также в научных трудах К. Мустакас, К. О'Коннор, В. Экслайн, К.Ф. Годуновой, О.А. Карабановой [2] и др.

С точки зрения конструктивизма, игровой процесс, который является интегральной частью обучения и развития, включает следующие шаги:

- игра с тем, что уже преодолено и известно;
- встреча с интересной для решения проблемой во время игры;
- решение или преодоление проблемы в игре;
- узнавание нового понятия или навыка для разработки в игре;
- проигрывание с тем, что выучено или преодолено [3].

При помощи процесса взаимодействия со своим окружением дети приобретают компетентность в физическом и социальном мире. При этом взрослый партнер ребенка по игре является источником культурного развития малыша.

Л.С. Выготский настаивал на ведущей роли взрослого в игре ребенка. Он указывал на необходимость помощи ребенку в решении проблем, возникающих в «зоне ближайшего развития», что имеет обучающее значение. Процесс развития ребенка, сопровождающийся усложнением его игровой деятельности, должен быть обеспечен адекватными изменениями роли взрослого в детской игре. Имеется в виду не замена ролевых функций, а их расширение в соответствии с новыми возможностями и потребностями ребенка.

С первых месяцев жизни взрослый должен инициировать игру, которая сначала носит характер эмоционального вовлечения через стимуляцию по разнообразным каналам: тактильному, зрительному, слуховому, проприорецептивному, вестибулярному.

По мере дальнейшего психического развития ребенок проявляет все более специфичные ответы на стимуляцию, генерирует инициативные действия, начинает исследовать предметы руками. Одновременно возрастает ответственность взрослого за обогащение предметной среды малыша. При этом взрослый должен действовать как посредник, поддерживающий вза-

имодействие ребенка с материалами. Параллельно возрастают возможности малыша ориентироваться в регулярных жизненных ситуациях, что призывает взрослого обыгрывать такие события как просыпание, переодевание, еда, туалет, купание, прогулка и т.п.

Следующий этап в развитии ребенка связан с совершенствованием представлений, подражательной и исследовательской активности. Воспроизведение речевых и ручных действий делает его активным участником социальной жизни. В обязанности взрослого включается организация символического общения, обыгрывание специфических действий с предметами. Не меньшее значение имеет поддержка игры с пластическими материалами, водой, блоками и т.п., что отвечает нуждам творческого развития, самовыражения и самоконтроля.

Появление у ребенка отсроченного подражания может служить сигналом для взрослого: «пришло время сюжетной игры». Родители могут теперь превратить детский уголок в игрушечную комнату. Ведь, для ребенка интереснее всего то, что делают взрослые. Важно ввести в игровую сферу жизни ребенка несколько персонажей и помочь ему в воспроизведении наблюдаемых событий. Диалог «за двоих», кукольный театр, драматизация на куклах социального взаимодействия – вот некоторые новые обязанности взрослого как партнера ребенка по игре.

С развитием самосознания, происходящим в период второго возрастного кризиса, ребенок подходит к новому этапу игровой деятельности. Он начинает участвовать в сюжетно-ролевой игре, затем самостоятельно придумывать сценарии игр – драматизаций. Взрослый может участвовать в такой игре непосредственно, предлагая свои идеи и знания. Однако важно поддерживать инициативу малыша [6].

Итак, роль взрослого в детской игре может меняться в зависимости от ситуации. Взрослый может быть:

- «источником ресурсов», обеспечивающим игровыми материалами;
- организатором игровой среды;
- наблюдателем;
- помощником;
- партнером по общению;
- партнером по игре;
- посредником;
- инициатором игры.

Игра с взрослыми учит детей партнерству, синхронности, очередности, самоконтролю. Позже, игра со сверстниками позволяет детям выстраивать своё понимание социума и взаимодействий. Новые ситуации и проблемы расширяют их навыки. Во время игры дети имеют возможность воспринять себя как компетентных, дееспособных и полезных, что имеет решающее значение в развитии их самооценки и эмоциональной сферы.

Игра является произвольной активностью, предполагающей свободу действий. В игре ребенок может создавать мир образов, развивать язык, совершать открытия, выстраивать межличностные отношения, формировать физическое и психическое «Я», укреплять интерес и концентрацию внимания, исследовать предметный мир, узнавать роли взрослых, перестраивать и уточнять свои знания [6].

В зависимости от индивидуального психологического профиля ребенка, т.е. его темперамента и способностей, дети могут демонстрировать преобладающие тенденции развития игрового поведения. Creaser (1990) выделила «исследователей», «зрителей» и «драматургов». Она описала предпочитаемые детьми способы взаимодействия и привела рекомендации по дифференцированной поддержке игровой активности детей.

«Драматурги» легко принимают различные роли, представляя игровую ситуацию с минимальным количеством или вовсе без игровых материалов.

«Исследователи» любят заниматься конструкторами, экспериментировать с предметами, разбирать их на части. Они не успокаиваются, пока полностью не выполнят задачу.

«Зрители» любят наблюдать за игрой, слушать и иногда комментировать. Это часто огорчает родителей, однако дети просто могут иметь своеобразный способ обучения.

Работа по применению разнообразных форм деятельности в сфере игры: непосредственное проведение игр для детей с ограниченными возможностями, организация для них специализированных игровых комнат – игротек, совместное создание и организация деятельности игровых площадок для детей-инвалидов всегда предусматривает четкое осознание особенностей, целей, задач и определенной последовательности или плана действий. Это своеобразные программы работы в области игротерапии, поскольку коррекционно-педагогическая деятельность эффективна лишь при наличии заранее продуманной стратегии и методики деятельности воспитателей и организаторов.

Продуманность и целенаправленность воспитательного применения игр - необходимое условие работы с любой из категорий детей с ограниченными возможностями. В более зрелом возрасте многим удается так или иначе компенсировать и самостоятельно учитывать в игровом поведении естественные ограничения своих возможностей, но в детском возрасте вся ответственность за последствия непродуманного педагогического руководства игровым поведением детей-инвалидов лежит на взрослых воспитателях. Поэтому, вполне обоснованы и закономерны советы известного физиолога и педагога П.Ф. Лесгафта, найденные нами в старых, изданных в конце прошлого столетия руководствах по реабилитационной деятельности: непосредственно на себе опробовать особенности игрового поведения слепых, глухих, людей с ограничениями двигательных возможностей, применяя для этого завязывание глаз, связывание или привязывание рук или ног и т.п. Подобные «имитационно-ролевые игры», как мы назвали бы их теперь, действительно помогают организатору почувствовать на себе хотя бы некоторые трудности проведения игр с детьми-инвалидами. Принцип «не навреди» является одним из наиболее существенных в организации физкультурно-спортивной, досугово-игровой, соревновательной и интеллектуально-игровой сферах педагогической деятельности с применением игры.

Игротека – это комплект разнообразных игр, игрового инвентаря и игрушек, с помощью которого решаются задачи организации свободного времени детей, подростков и взрослых, реализация их потребности в игре, а также психолого-педагогические цели развития игровой культуры человека, семьи, воспитательного учреждения или организации, где такая игротека может быть создана или создается.

Первые игротeki появились в нашей стране в 1934–1935 годах. До сих пор действуют такие формы деятельности игротек, как передвижная игротека, игровой клуб по переписке «Клуб на дому», городская «Неделя игры и игрушки», которая в этом году отметит свое 50-летие, игровые программы для детей разных возрастов, и в том числе для детей с ограниченными возможностями.

На рубеже XXI века, как показывают материалы ряда научно-практических конференций, происходит качественное изменение в состоянии и ориентирах развития празднично-игровых технологий. Существенно возросли роль и место игровых явлений, игровых форм и технологий в жизни человека и общества, а значит, в обучении, воспитании и развитии личности.

Новое осмысление аксиологии и психологии праздника и игры должно быть поставлено в центр обсуждения проблемы празднично-игровых технологий в современном образовании.

В 1999–2000 гг. заметно проявилось качественное изменение в состоянии и тенденциях развития игровых технологий. Осознание этого в кругу специалистов по игре и празднично-игровым технологиям происходит постепенно. Эта тема может быть выявлена психологическими средствами качественного анализа в соотнесении с мониторингом актуального состояния празднично-игровых форм, рассмотрением игровых предпочтений у детей дошкольного возраста. Обобщая фиксируемые изменения, можно выделить ряд значимых тенденций:

- изменение количественного и качественного состава игр и празднично-игровых форм;
- возросшие темпы изменений празднично-игровой среды;
- изменение соотношения между разными типами игр и соответствующих игровых предпочтений, а также изменение системы социальных и личностных представлений об игре;
- нарушение естественной динамики празднично-игровых форм: возрастной динамики игровой активности, адресованности игрушек и игр, стереотипов игрового поведения и т.п.

Наряду с фиксируемыми качественными изменениями, отметим ряд количественных показателей: число искусственных игровых форм уже стало превышать даже самые полные сборники детских игр, изданных в 1980–90-е годы, при том, что большинство современных изданий носит репринтный и компилятивный характер, имея в своей основе сборник игр прошлого, в том числе еще конца XX века. Использование игр, мультимедийных и видеоигровых форм в коммерческих игровых клубах превышает число игроцентров в учреждениях образования, культуры, общественных организациях, осуществляющих педагогическое руководство и психолого-педагогическое сопровождение игровой деятельности детей в то время, как международное признание право детей на досуг и игры пока носит преимущественно декларативный характер.

В настоящее время в мире получило широкое распространение международное движение игротек (библиотек игрушек) и лекотек, специально ориентированных на организацию игрового поведения детей-инвалидов начиная с очень раннего возраста. Регулярно проходят кон-

ференции и съезды работников игротек (одна из таких конференций проводилась в 1992 году в Москве, и все ее участники смогли ознакомиться с системой работы в игротеках Московского городского Дворца творчества детей и юношества).

Создание и деятельность игротек выполняет важную функцию даже в тех случаях, когда семья может приобретать большое количество разнообразных игр и игрушек. Она необходима детям, у которых ограничены возможности перемещения и которые вынуждены значительную часть времени проводить дома. Игротека как специально продуманная развивающая игровая среда не только «приглашает» к себе в гости детей-инвалидов, но и «организует» выездные игровые программы, осуществляет деятельность игрового клуба по переписке («Клуб на дому»). Игротека становится центром организации специальных игровых праздников для разных категорий детей с ограниченными возможностями в помещениях Дворца творчества на Воробьевых горах и на открытых площадках, поскольку там всегда есть необходимый игровой инвентарь для десятков и сотен детей и сопровождающих их взрослых.

Специалисты Лекотек (Лекотека [14]) – это система психолого-педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с проблемами развития. Игра – основной метод лекотеки) рассматривают игру как особый вид активности ребенка, появляющийся в младенчестве и усложняющийся по мере развития, организующийся и поддерживаемый взрослым, добровольный и приносящий радость, позволяющий ему в безопасной ситуации наращивать свой эмоциональный и социальный опыт, творчески получать знания и совершенствовать навыки, выражать мысли и чувства.

В условных обстоятельствах игра моделирует действительность, дает возможность ребенку переживать ощущение удачи, успеха, помогает раскрыть свои физические, умственные способности. В обстановке игры проявляется личность ребенка. Цель такой терапии – не переделывать и не учить его специальным умениям, а дать ему возможность быть самим собой и тем самым снять имеющиеся невротические предпосылки, комплексы, ущербный тип отношения к себе и к другим. В ходе игротерапии можно почувствовать эмоциональное состояние ребенка, понять суть этого состояния, помочь в саморегуляции.

В основе игротехники-игротерапии лежат методические приемы и игры. Это – сюжетно-ролевые игры, игры-драматизации, театр кукол, кукольный кружок, агрессивные, строительные и познавательные игры, конкурсы, турниры, игры-арттерапии, игры-танцы, игры-театрализации.

Особое место занимают приемы телесно-ориентированной психотехники, органично сочетающей в себе подвижные игры и упражнения и три эмоциональных компонента – музыку, слово и импровизацию. В результате создается эмоционально-положительная среда для релаксации детей. Группы телесно-ориентированной терапии основаны на работах В. Райха и Т. Хана [14], а также, на упражнениях лечебно-оздоровительной физкультуры для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Прежде всего, работа построена на детальной проработке мышц. В занятия включены три аспекта работы:

- осознание определенной группы мышц в себе, задача: научить ребенка напрягать и расслаблять их. Ребенок, у которого напряжены мышцы, и это связано с психосоматикой, не чувствует этого напряжения, он не может их расслабить. Для того чтобы ребенок понял, что ему надо расслаблять, ему надо сначала эту группу мышц напрячь и почувствовать разницу;
- освоение упражнений на дыхание (расслабление организма, упражнения на самоконтроль и саморегуляцию);
- упражнения на выражение эмоций (крик).

Развивающие игротехнологии выступают как способ социализации и индивидуализации одновременно. Игра позволяет применить ребёнку конкретный способ реагирования, совершить пробное действие, осознать его значение для себя и других, выявить и сформировать необходимые ему навыки во взаимодействии с миром. Происходит «социальная и межличностная децентрация» как способность понять и принять позицию другого, поменять свою и попробовать «чужую» роль. Среди ресурса игры следует отметить возможность проигрывания, просмотра установок, перепредписаний, которые возникают у ребёнка при взаимодействии с семьёй, обществом. Развитие идентичности (Э. Эриксон) [13] через взаимодействие ролей позволяет ребёнку «отнестись» к самому себе и почувствовать ответственность за свои поступки. Игра способствует формированию наиболее значимых способностей, позволяющих ребенку преодолевать трудности социализации:

- способность к расширению границ пространства жизнедеятельности;
- способность к самоопределению;
- способность к овладению социально ролевым поведением через систему дифференцированных отношений и т.д.

Развивающие игротехнологии выступают как условие апробирования, проигрывания социальных ролей - переноса навыков, знаний ролевого взаимодействия, опыта взаимодействия, полученного в игровой ситуации, в реальный пласт жизни подростка, что способствует его социально-психологической адаптации [11].

Игротерапия рассматривается как средство динамичной коррекции разбалансированной эмоционально-волевой, коммуникативной и опорно-двигательной сфер детей дошкольного и школьного возраста.

Целесообразность использования игротерапии в организации восстановительного периода по улучшению самочувствия детей со сходными медико-психологическими показаниями обусловлена тем, что игра остается наиболее освоенным и органичным видом деятельности и общения, существует единство психологической природы игры и общения и в игре ребенок может свободно выражать себя.

Способность к символизации в игре является центральной в когнитивном развитии и в дальнейшем обучении, включая чтение и письмо. В игре дети также приобретают навыки общих движений, ручной моторики и зрительно-моторной координации. При этом достигаются более сложные умения, улучшается сила, баланс, скорость и контроль. Таким образом, игротерапия позволяет решать следующие реабилитационные задачи:

- 1) расширение репертуара самовыражения ребенка;
- 2) достижение эмоциональной устойчивости и саморегуляции ребенка;
- 3) коррекции отношений в системе «ребенок-взрослый».

Использование игровых технологий представляет собой уникальный опыт для социального и психического развития ребенка, открывая ему возможность для вступления в личную связь с взрослым – психологом, педагогом, родителями, опекуном. Игровая деятельность активизирует формирование произвольности психических процессов, способствует развитию умственной деятельности и воображения, переходу ребенка к мышлению в плане представлений, развитию знаковой функций речи, совершенствованию опорно-двигательной и волевой активности.

Литература:

1. Головачева Т.В. Коррекционно-развивающая игротерапия в работе с детьми в специализированном Доме ребенка. URL : <http://festival.1september.ru/articles/563205>
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2005.
3. Кондрашенко В.Т. Общая психотерапия / В.Т. Кондрашенко и [др.]. URL : psyinst.ru/library.php?part=article&id=1584
4. Копнина О.О. «Мастерская творчества» как метод реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы: сб. научных статей. М. : Изд-во РГСУ, 2012.
5. Лильин Е.Т. Проблема мотивации в реабилитологии. URL : <http://rrcdetstvo.ru/content/view/79/108>
6. Паланджян Е. Ребенок и игра / Е. Паланджян, Г. Паланджян. URL : www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1585
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2005.
8. Словарь по общественным наукам. URL : www.glossary.ru
9. Филиппова О.Н. Методы социальной реабилитации детей-инвалидов. URL : ms-solutions.ru
10. Коныгина М.Н. Функциональная организация социально-помогающей деятельности в исторической ретроспективе / М.Н. Коныгина, О.О. Копнина // Социальная политика и социология. 2013. № 3-1(94). С. 110–119.
11. Щербакова М.С. Психологическое сопровождение социализации детей в процессе лечения нарушений опорно-двигательного аппарата / М.С. Щербакова; Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып. 5. Самара : Изд-во : «Универс-Групп», 2007. 308 с.
12. Эльконин Д.Б. Психология игры. URL : www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1585
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; Пер. с англ. М. : Флинта, 2006. (Серия: Библиотека зарубежной психологии). 342 с.
14. URL : <http://www.lekoteka.ru/index.php?page=game.html>

Literature:

1. Golovacheva T.V. Correctional and developmental game therapy in working with children in a specialized children's Home. URL : <http://festival.1september.ru/articles/563205/>
2. Karabanova O.A. Psychology of family relations and the basics of family counseling : textbook. M. : Gardariki, 2005.
3. Kondrashenko V.T. General psychotherapy / V.T. Kondrashenko et [al.]. URL : psyinst.ru/library.php?part=article&id=1584
4. Kopnina O.O. «Workshop of creativity» as a method of rehabilitation of children with disabilities // Actual problems of theory and practice of social work: collection of scientific articles. M. : publishing house of RSSU, 2012.
5. Lilin E.T. The problem of motivation in rehabilitation. URL : <http://rrcdetstvo.ru/content/view/79/108/>
6. Palanjyan E. Child and game / E. Palanjyan, G. Palanjyan. URL : www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1585
7. Rubinstein S.L. Fundamentals of General psychology. SPb. : Peter, 2005.
8. Dictionary of social Sciences. URL : www.glossary.ru
9. Filippova O.N. Methods of social rehabilitation of disabled children. URL : ms-solutions.ru
10. Konygina M.N. Functional organization of social-helping activities in historical retrospect / M.N. Konygina, O.O. Kopnina // Social policy and sociology. 2013. № 3-1(94). P. 110–119.
11. Shcherbakova M.S. Psychological support of socialization of children in the treatment of disorders of the musculoskeletal system / M.S. Shcherbakova; Ed. by A.Yu. Agafonov, V.V. Shpuntova // Psychological research: a Collection of scientific papers. Samara, publishing house : «Univers-Group», 2007. Iss. 5. 308 p.
12. Elkonin D.B., Psychology of the game. URL : www.psyinst.ru/library.php?part = article&id=1585
13. Erikson E. Identity: youth and crisis. TRANS. from English. M. : flint, 2006. (Series: Library of foreign psychology). 342 p.
14. URL : <http://www.lekoteka.ru/index.php?page=game.html>

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**



**SOCIAL JUSTICE IN THE REGIONAL SPACE OF RUSSIAN SOCIETY:
THEORETICAL AND CONCEPTUAL ASPECT**

Волков Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
профессор,
научный руководитель Института
социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
директор,
Южно-российский филиал
Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
ugvolkov@sfedu.ru

Yury G. Volkov
Honored Scientist
of the Russian Federation,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Supervisor of the Institute
Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Director,
South Russian branch
Federal Research
Sociological Center
Russian Academy of Sciences
ugvolkov@sfedu.ru

Мамина Дарья Александровна
младший научный сотрудник,
Южно-российский
филиал Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
магистрант,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
dasha.mamina.96@mail.ru

Darya A. Mamina
Associate Researcher,
Southern Russian
Federal branch Research
Sociological Center
Russian Academy of Sciences,
Undergraduate,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
dasha.mamina.96@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторы предпринимают попытку концептуального осмысления феномена социальной справедливости в региональном пространстве российского общества. Авторами рассматриваются различные теоретико-концептуальные подходы к исследованию социальной справедливости в региональном пространстве. В результате, отмечается, что отечественная социология наработала богатый исследовательский материал о региональных различиях, при этом перспективным для современной социологической мысли авторам представляется проведение исследований с целью определения социально-структурных и социально-субъектных параметров социальной справедливости внутри регионального пространства. Исследователи отмечают поворот социологической мысли к региональной специфике социальной справедливости: социальная справедливость является ключевым понятием в описании социальной неоднородности и вместе с тем содержит исходное условие движения к системному социологическому анализу социальных фактов и явлений в региональном пространстве, которые описываются, как узко специализированные. При этом особый исследовательский интерес представляет не только изучение социальной справедливости в рамках межрегиональных социальных диспропорций, но и понимание внутрирегиональной составляющей социальной справедливости.

Ключевые слова:

социальная справедливость, региональное пространство, социальные диспропорции, внутрирегиональное пространство, российское общество.

Annotation.

In this article, the authors attempt to conceptualize the phenomenon of social justice in the regional space of Russian society. The authors consider various theoretical and conceptual approaches to the study of social justice in the regional space. As a result, it is noted that Russian sociology has accumulated a rich research material on regional differences, meanwhile it is promising for modern sociological thought to conduct research to determine the socio-structural and socio-subjective parameters of social justice within the regional space. The researchers note the turn of sociological thought to the regional specifics of social justice: social justice is a key concept in the description of social heterogeneity and at the same time contains the initial condition for moving towards a systematic sociological analysis of social facts and phenomena in the regional space, which are described as narrowly specialized. At the same time, it is of particular research interest not only to study social justice within the framework of interregional social disparities, but also to understand the intraregional component of social justice.

Keywords:

social justice, regional space, social disparities, intraregional space, Russian society.

Актуальность.

Региональное пространство российского общества социально и культурно неоднородно, определяется различиями и по базовым показателям экономики, но, не менее важно, в социологическом измерении спецификой социальных качеств и параметров. Было бы ошибочным полагать, что российские регионы квалифицируются по критерию уровня доходов, хотя это и часто проявляется в социально-региональной статистике. Межрегиональное взаимодействие, как и межрегиональные различия фиксируют разницу не только среднего уровня доходов, но и качества жизни, уровня социального благосостояния, удовлетворенности условиями жизни, оценкой перспектив на будущее. Иными словами, востребован качественный анализ показателей регионального развития и в той же степени актуальным является анализ состояния социальной справедливости в региональном пространстве, которое можно описать структурно, как низкий показатель социальных диспропорций, институционально, как доступ к институциональным ресурсам и субъектно, как совокупность возможностей для социальной самореализации различных групп и слоев, действующих в региональном пространстве.

Таким образом, социальная справедливость становится ключевым понятием в объяснении и прогнозировании процесса развития регионального пространства в российском обществе. Следует подчеркнуть, что, оценивая динамику регионального развития, россияне, как правило, берут за «точку отсчета» социальную самооценку, отражающую социальную позиции в региональном пространстве. Как правило, социальная справедливость трактуется, как процессуальная, связанная с принятием политико-правовых решений, с перераспределением финансовых ресурсов и стратегий наращивания экономической мощности региона. Полагается, что экономический рост и внимание центра к нуждам региона являются решающими факторами в достижении социальной справедливости в региональном пространстве.

Однако лишь при включении механизмов автономного ресурсного потенциала, социальная справедливость становится реальностью региональной жизни. Поскольку социальной справедливости в региональном пространстве свойственно «пространственное» измерение, актуальным является определение регионального пространства, как обладающего определенными физическими (территориальными) свойствами, но как место обитания, проживания, предоставляющее шансы для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг [1, с. 46]. Короче говоря, социальная справедливость, как возможность присвоения социальных ресурсов определяется отношениями между социально пространственным распределением субъектов и действующей моделью социально распределительных отношений, гапитусом и полем по исследовательской схеме П. Бурдьё.

Способность социальных субъектов регионального пространства в российском обществе признавать неравные возможности доступа к социальным ресурсам и их присвоению, является требующим социологического анализа, то есть определения социальной справедливости в региональном пространстве в контексте социальных и символических различий, суще-

ствующих, как вне, на межрегиональном уровне, так и внутри регионального пространства. Опираясь только на межрегиональные различия не гарантирует получения достоверной социологической информации. В региональном пространстве российского общества проблематизирована схема доступа к социальным ресурсам внутри региона, как социальная неоднородность порождает эффект «гетто» – локализации бедности и эффект «клуба» – локализация богатства. В этом смысле можно говорить об актуальности социальной справедливости в региональном пространстве, действующей в той мере, в какой российское общество испытывает необходимость социальной интеграции на основе закрепления принципа равенства возможностей в региональном пространстве.

Методология.

Теория и реальность социальной справедливости в региональном пространстве российского общества характеризуются отношениями «смысловой напряженности», так как переход российских регионов к рыночной экономике, становление новых социально-трудовых отношений, социально-стратификационные сдвиги в региональном пространстве определили необходимость четких теоретико-методологических оснований предметности регионального пространства.

В условиях роста и воспроизводства различий, переходящих в разрывы в межрегиональных отношениях, огромное значение имеет конфигурация отношений и взаимоотношений в региональном пространстве, связанное с социальной справедливостью. Социологические исследования, направленные на изучение культурной динамики российских регионов, выявили теоретическую узость обобщений и оценок состояния регионального пространства при игнорировании фактора социальной справедливости. Методологическая ошибка заключалась в том, что региональное пространство воспринималось, как совокупность природно-климатических, социально-территориальных, культурно-исторических, социально-экономических условий, содержащих единые консолидирующие основания, то есть, в исследовательской процедуре противопоставления другим регионам.

Это методологически оправдано с точки зрения категоризации регионального пространства, как имеющего особые характеристики, но вместе с тем, снижало интерес к социальной справедливости в контексте действующих групповых различий внутри регионального пространства. Анализ результатов социального развития регионов показал, что состояние регионального пространства не задано «безличными» социальными и экономическими факторами [8, с. 36], что социально-экономические проекты, имеющие ориентированность на социальную справедливость, достигают только результатов, имеющих экономическую и технократическую значимость, но не являются обеспечивающими социальные инновации.

Подчеркивая, что для России особую актуальность имеет проблема разрыва между условиями жизни населения разных, подчас соседних регионов, между имущественными слоями внутри регионов, делается вывод о том, что эта проблема – вызов современной России [8, с. 37]. Поэтому определение границ и условия концептуализации заявленной темы является приоритетным исследовательским шагом на пути достижения баланса теоретического и социально-эмпирического анализа регионального пространства в российском обществе.

Разработки в сфере региональной социологии в данном контексте требуют согласования с исследовательскими позициями, достигнутыми в понимании и осмыслении феномена социальной справедливости в российском обществе. Можно сказать, что встает сложная задача формирования многомерного социологического конструкта, включающего категоризацию регионального пространства и социальной справедливости.

В теоретико-методологических подходах к проблеме социальной справедливости в российской социологии преодолен спор между либеральной и коммуитаристской интерпретациями [10, с. 219]. Это выражается в том, что исследования по проблемам социальной справедливости характеризуются конкретным выявлением структурных и функциональных границ (структурно-функциональный анализ), доступа к институциональным ресурсам и формирования институциональных стратегий (неоинституциональный подход), соотношения между «пространством обитания» и распределением социальных ресурсов (пространственный подход).

Между тем, существует актуальная теоретико-методологическая проблема интегрированности концептуальных оснований социальной справедливости и неоднородности, различий в межрегиональном и внутрирегиональном пространствах. Отношения между этими двумя типами проблемы являются сложными, так как, с одной стороны, они различны, исследования по двум направлениям могут вестись самостоятельно, не затрагивая обоснованность достигнутых результатов. С другой стороны, они не являются совершенно «независимыми», поскольку со-

циальная справедливость в региональном пространстве входит в концепцию социального развития российских регионов.

Результаты исследования.

Поворот к проблеме социальной справедливости в региональном пространстве означает концептуальные изменения отношений между государством, регионами и внутри регионов. В прошлое десятилетие, определяющим концепцию социального развития регионов, являлся фактор функциональности, который признавал сложную структуру взаимодействий различных акторов (субъектов) в региональном пространстве [7, с. 19], но при этом, характеризуя социальное состояние регионального пространства, воспроизводил позицию методологической «амбивалентности». Речь шла о том, что возможным представлялось в общем виде определить региональную структуру и сетевое взаимодействие основных субъектов (акторов), но допущение локализованности, как основного параметра социально-пространственной реальности имело нечетко выраженный исследовательский дискурс.

В социологическом рассмотрении актуальным является выделение сферы социальных неравенств, как ключа к социальной справедливости на основе качественных характеристик [3, с. 3]. Очевидно, что теоретически обосновывался поворот региональной социологии к субъекту регионального пространства, ориентированного на проблему справедливости, как болезненную для российского общества. В этом смысле, идеи М.К. Горшкова теоретически оформились в концепте социальных неравенств, российский ученый восходил от абстрактного к конкретному в понимании социальной справедливости, то есть определял ее содержание через «негативность», через социальные неравенства. В таком случае, напрашивался достаточно простой ответ, что социальная справедливость есть отсутствие социальных неравенств.

Социальные эксперты, описывая российскую реальность в пространстве социологического дискурса, подчеркивали, что в социологическом измерении проявляется две взаимоисключающие позиции на основные проблемы российского общества, в иерархии которых социальная справедливость является базовой [2, с. 24–25].

Принцип монизма является свойственным классической социальной теории, в рамках социальной справедливости в региональном пространстве российского общества следует говорить о дискурсе, как о многообразии суждений о социальном мире, поэтому «взаимоисключающие позиции» есть нормальное движение к познанию социальной справедливости в социологическом измерении. В связи с этим, надо отметить, что внесение «региональности» в социальную справедливость является двуступенчатой исследовательской процедурой:

– на первой «ступене» исследуется социальная справедливость, как достижение равенства между регионами, устранения диспропорций в общероссийском региональном пространстве,

– на второй «ступене» целью является выявление социальных противоречий, социальных неравенств внутри регионального пространства.

Таким образом, легитимируется акцент на соотнесение внешнего и внутреннего аспектов социальной справедливости: это методологически важное положение, определяющее социальную справедливость в региональном пространстве российского общества, как социально-конструктивистский акт. Действующее «справило» структурно-функционального анализа выражает проблему социальной справедливости через межрегиональные диспропорции, измеряя на уровне количественных показателей экономического и социального роста, уровня доходов, уровня социального благосостояния. Отсюда, как следствие, российские регионы классифицируются как «лидерские», средние и депрессивные. Такая схема полезна для социально-распределительных отношений, деление на регионы – доноры и регионы-реципиенты.

Однако в течение первой десятилетки XXI века российские ученые отметили, что изменение источников существования населения регионов связаны не с финансовыми трансферами федерального Центра, а с социально-экономической активностью населения, с субъективной оценкой качества жизни социальных акторов, с основными направлениями социально-профессиональной мобильности. Данное положение соотносится с пониманием пространственных диспропорций, как различий между регионами по структуре человеческого капитала, инновационного потенциала и инвестиционной привлекательности [9, с. 63].

Для понимания социальной справедливости в региональном пространстве, можно сделать как вывод, имеет значение исследование внутрирегиональных параметров социальной справедливости, так как структура человеческого капитала, как совокупность профессиональных, интеллектуальных, социально-мобильных, социально-организационных и, наконец, социально-инновационных качеств населения региона, отражает состояние социальной справедли-

ности в региональном пространстве, является индикатором субъективной оценки населением региона реальных возможностей жизненных и социально-профессиональных траекторий. Очевидно, что регионы с «плохой» структурой человеческого капитала, если от оценки перейти к аналитике и диагностике является пространством «социальных неравенств».

В рамках проведенного Институтом социологии РАН исследования «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность 15 лет спустя» выяснилось, что параллельное существование социальных укладов не определяется схемой «мегаполисы–провинция», что вектор противостояния в межрегиональном развитии характеризуется, с одной стороны, объективными предпосылками, эффект регионального донорства, но с другой, что имеет большее значение, оценкой социально-психологического состояния и степени удовлетворенности россиян, проживающих в различных типах поселений [12, с. 10]. Таким образом, методологический инструмент исследования сформирован на основе учета межрегиональных и внутрирегиональных различий.

Во-первых, для авторов исследования значимой является субъектно-деятельностная схема социальной справедливости в региональном пространстве российского общества, так как выяснилась ситуация «минимальной социальной зависти», что противоречит мифологеме о неприятии столиц жителями регионов по резким различиям в доступности к социальным благам. Во-вторых, как следствие демифологизации массового сознания в региональном пространстве, можно считать удовлетворенность населения столиц и регионов различными аспектами своей жизни в качестве основного индикатора осознания социальной справедливости на межрегиональном уровне.

В-третьих, фиксируя меньший уровень доходов и более узких потребительских возможностей жителей «провинции», как парадокс, результатом является неудовлетворенность жителей столиц базовыми аспектами жизни: объяснение авторы исследования находят в том, что при широких потребительских возможностях возрастают и социальные ожидания, повышаются и требования к качеству жизни. Если в российских регионах социальные различия относительно нивелированы, в столицах действует тренд социальной поляризации. Социальная справедливость может восприниматься, как следствие относительной и абсолютной депривации. На межрегиональном уровне по отношению к столицам действует механизм относительной депривации, позиция в восприятии социальной справедливости как следствия различий в потребительских возможностях. На внутрирегиональном уровне следует принимать во внимание варианты относительной и абсолютной депривации. Абсолютная депривация сконцентрирована в социальных «гетто», пространствах безработицы, низких доходов, отсутствия социальных перспектив, что характерно, как отмечается в исследовании для сельских районов и поселений-моногородов.

В-четвертых, социальная справедливость в региональном пространстве российского общества является «текучей» и «дисперсной»: наблюдается тенденция переконфигурации условий и факторов социальной справедливости, как результат изменений в социально-профессиональной деятельности, формирования социально-территориальных кластеров, возникновение новых источников инвестиционной деятельности или в качестве негативных факторов «локдаун» градообразующих производств, отток молодежи, криминализация и наркотизация на уровне повседневности, коррупция и бюрократизм в системе управления регионом.

В-пятых, региональная специфика социальной справедливости связана с установкой на реализацию жизненных целей населения регионов, различиях в «планке» ожиданий на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях. И здесь обнаруживается парадокс восприятия социальной справедливости: жители столиц фиксируют изменение к худшему, в то время как для жителей регионов свойственно ощущение «улучшения» ситуации. Как результат, социальная справедливость «перемещается» с межрегионального на внутрирегиональный уровень, становится проблемой регионального пространства, отношений между региональными элитами и основными группами населения региона, следствием качества региональной социальной политики.

Суммируя вышесказанное, можно подчеркнуть, что социальная справедливость в региональном пространстве российского общества становится теоретической проблемой в контексте развития структурно-деятельностного метода, характеризуемого как «проблема методологии и инноваций», критического отношения к социальному неравенству, как следствию социально-экономического порядка в региональном пространстве и выдвижения в качестве теоретической альтернативы активной роли социальных субъектов регионального пространства, реализующих различные жизненные стратегии в контексте понимания социальной справедливо-

сти, как равенства возможностей в социальной самореализации [6, с. 141]. При выяснении смыслов и значений социального неравенства в региональном пространстве российского общества огромную роль имеют смыслы, определяющие цели жизненных стратегий и функции деятельности в основных сферах жизни региона.

Действительно, социальная справедливость дифференцируется внутри регионального пространства по критерию выбора жизненных и профессиональных стратегий, как субъективной оценки жизненных шансов и целей-ориентиров жизненной деятельности. Это актуально в связи с тем, что проявляются схемы «богатые регионы – богатое население» и «бедные регионы – бедное население». Очевидно, что подобные оценки не содержат теоретического значения и являются «скольжением по поверхности» социальных явлений. В региональном пространстве российского общества с социальной справедливостью ассоциируются разнонаправленные смыслы, связанные с коллективным историческим опытом (претензии казачества на восстановление исторической справедливости), с социальным реваншем (восстановление социальных позиций базовыми слоями общества, наемными работниками и бюджетной интеллигенцией), стремлением к социальной меритократии (неудовлетворенность оценкой деятельности работников интеллектуальной сферы».

В связи с этим обстоятельством, можно говорить о том, что в концептуальном контексте требуется признать совокупность критериев социальной справедливости, соотносимых с реальными социальными диспозициями действующих субъектов в региональном пространстве. Интересно отметить, что, как показывают результаты общероссийских исследований по проблеме социальной справедливости, в ее отношении, как правило, даются «абстрактные» ответы, что дает повод говорить о «пустоте» понятия, неработоспособности в эмпирико-идентификационном контексте идеально целевого типа социальной справедливости. Гораздо больший исследовательский потенциал характеризует отношения социальных субъектов в региональном пространстве к социальным неравенствам.

Специфику социальной справедливости в российском обществе выделяет в своих работах М.К. Горшков, творчески применяя принцип субъектности. Очевидно, что для системного исследования социальной справедливости в региональном пространстве недостаточно операционализировать, получившие экспертное признание, схемы «различия в доходах», «качества жизни», «уровня эффективности институциональных норм», «стимулирования социально-экономической активности». Еще одним сдерживающим фактором является «иммунитет» региональных элит к проблеме социальной справедливости [4, с. 119].

Рассматривая вышеназванные альтернативы, как «конвенциональную концептуализацию» проблемы социальной справедливости в региональном пространстве российского общества, следует подчеркнуть, что теоретический выбор, на наш взгляд, определяется совокупностью исследовательских задач, стремлением обосновать свою теоретико-методологическую позицию аргументами объективности и достоверности полученной социологической информации. «Прозрачность» прагматизма согласует различные теоретические позиции, но не содержит возможности интеграции полученных в различных теоретических контекстах знаний. Таким образом, объектом социального объяснения становится интерпретация социальной справедливости, как результата совокупности социальных фактов, выведенных из теоретических предпосылок.

Категория «социальная справедливость» в региональном пространстве оказывается важным моментом социального объяснения, так как через нее осуществляется фиксация состояния регионального пространства, и она становится исходным началом движения социологического исследования от социальных фактов, связанных с социальным самочувствием, социальной самооценкой, удовлетворенностью условиями жизни к модели социального развития региона. Другими словами, для понимания логики исследования социальной справедливости важным становится признание «множественности» справедливости в зависимости от конкретного регионального контекста.

В этом смысле, необходимо уходить от уравнительности понимания социальной справедливости, так как исследователь является свидетелем «конструирования» социальной справедливости в рамках влияния разнонаправленных факторов, определяемых и социально-стратификационной структурой регионального пространства, внутренними социальными мотивациями социальных субъектов, действующих в региональном пространстве и социальных установок на социальную справедливость. Очевидно, что различия в отношении к социальной справедливости дифференцируются по объективным и субъективным основаниям.

Интересно, что социологические исследования социальной справедливости в Сибирском и Дальневосточном регионах испытывают влияние фактора низкой территориальной закреплённости, то есть большинство жителей отмеченных регионов нацелены на временность пребывания, не рассматривают социальную справедливость в пространственном измерении, не формируют пространственную идентичность и вносят в отношение к социальной справедливости фактор территориальной мобильности, возможности перемены места жительства после накопления личных ресурсов. Поэтому социальная справедливость становится измерением «чемоданных» настроений. Это вносит в понимание социальной справедливости различия по сравнению с традиционным «иммобильным» укладом в Центральной России. К тому же, как отмечают российские исследователи, Сибирский и Дальневосточный регионы по социально-экономической конфигурации до недавнего времени были «повернуты» «на Восток», сотрудничество с азиатским регионом, и социальная справедливость по схеме актуального опыта определялась, как фактор получения «сырьевой ренты».

Конфликтные отношения, связанные с неравенством доступа социальных групп и слоев к природным ресурсам (лес, пушнина, золото, рыба) характеризуются «теневизацией», уходом от налогообложения, распространением неформальных социально-трудовых соглашений, что выводит социальную справедливость из политико-правового дискурса на уровень нелегитимных групповых интересов. Эмпирические описания, как «повествование» структурируют восприятие социальной реальности путем ее категоризации в рамках определенных ментальных представлений социологов об этой реальности, пишут ростовские исследователи [11, с. 69].

Данное положение объясняет различия в теоретических подходах к исследованию социальной справедливости в региональном пространстве, как результат «субъективизма» исследователя, работающего в определенном теоретическом дискурсе, и трудности в описании и анализе вышеприведенных социальных фактов выражаются в том, что нелегитимные социальные практики создают феномены массового восприятия социальной справедливости, несовпадающие с ее нормативными представлениями. В такой ситуации «структурирование» восприятия социальной реальности (социальной справедливости) становится содержащим теоретические допущения, трактуемые как «исключение из правил». Однако для социолога независимо от концептуального выбора важно исследовать социальную справедливость вне соотношения с принятыми в классической социологии схемами социальных патологий.

Вывод о том, что региональное пространство деформирует социальную справедливость и требуется оперативное властное вмешательство, переводит язык социологических исследований на уровень «репрессивности». Иными словами, для того, чтобы исследования по проблеме социальной справедливости в региональном пространстве вызвали доверие и стимулировали поиск наиболее эффективных путей ее достижения необходимо сформировать язык диалога социальных субъектов регионального пространства. В контексте описания социальных патологий это является трудно достижимым, поскольку приводит к определению «виновных», к негативной мобилизации, росту социально-протестных настроений, содержащих риск манипуляции общественным сознанием в региональном пространстве.

И здесь мы возвращаемся к ключевому вопросу по поводу изучаемого феномена социальной справедливости в социологии – о понимании его связей с развитием отечественной социологической науки. Действительно, ядро универсального понятийного аппарата в социологии существует, но важно осмыслить социальную справедливость в региональном пространстве, как институциональный и символический ресурс, связанный с возможностями взаимного обмена социологической информацией и перспективами разработки мощных концептуальных программ [5, с. 75]. Здесь есть надежда, что перспективен интегрированный подход к социальной справедливости в региональном пространстве, выражающий возможности исследования ее специфики на основе категоризации социальной справедливости, как «ядерного» понятия отечественной социологии.

Резюме.

Социальная справедливость в региональном пространстве российского общества характеризуется переходом от анализа межрегиональных социальных диспропорций к пониманию внутрирегиональной составляющей социальной справедливости. Отечественная социология накопила высокий исследовательский материал о региональных различиях, что находит отражение в функциональной схеме «богатые–бедные регионы». Но становится ясным, что развитие социологической мысли имеет перспективу в определении социально-структурных и социально-субъектных параметров социальной справедливости внутри регионального пространства.

Пространственный, социоресурсный и субъектно-деятельностный подходы стимулируют понимание социальной справедливости в региональном пространстве с определением факторов социальной пространственности, пространственной идентификации, социальной ресурсности, социальной субъектности. Это является свидетельством поворота социологической мысли к региональной специфике социальной справедливости. Как вывод можно считать, что, являясь «ядерным» понятием отечественной социологии, социальная справедливость структурирует региональное пространство, то есть, является ключевым в описании социальной неоднородности, и одновременно содержит исходное условие движения к системному социологическому анализу социальных фактов и явлений в региональном пространстве, которые описываются как узко специализированные.

Это означает, что категоризация «социальная справедливость» в региональном пространстве актуальна, и по концептуальным основаниям, и по тому, что социально-эмпирические исследования социальной справедливости в российском обществе являются «соединением универсальности и специфичности»: бесспорно, при всех различиях в теоретических подходах есть основание считать, что они имеют общую методологическую основу в признании социальной справедливости в российском обществе, как социально значимой и обретающей четкое очертание в рамках многокритериального подхода к ее идентификации.

Литература:

1. Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё; Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Волков Ю.Г. Российская реальность в пространстве социологического дискурса : монография : в 2 кн. Кн 1 / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский; Южный федеральный университет; отв. ред. Ж.Т. Тощенко. Ростов-н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. 278 с.
3. Горшков М.К. Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник / М.К. Горшков; Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М. : Институт социологии РАН, 2007. С. 3–9.
4. Дискин И.А. Россия, которая возможна. М., 2011. 175 с.
5. Подвойский Д.Г. Языки социологии: многоголосье или какофония? // Новые идеи в социологии. М., 2013.
6. Проблемы теоретической социологии. Вып. 11. СПб., 2016. 248 с.
7. Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований / Отв. ред. В.В.Маркин. Институт социологии РАН. М. : Экслибрис-Пресс, 2007. 480 с.
8. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и [др.]; Отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов; Чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков, Э.К. Бийжанова. Новый Хронограф. М., 2015. С. 600.
9. Рубан Л.С., Катаева Е.Г. Проблемы и возможности устойчивого развития регионов // Региональная социология с России. М., 2007.
10. Современный либерализм: Дж. Ролз, Р. Дворкин, И. Бёрлин, У. Кимлика, М.Дж. Сэндел, Дж. Уолдрон, Ч. Тейлор / Авт. предисл. Л.Б. Макеева. М. : Прогресс-Традиция : Дом интеллект. книги, 1998. 248 с.
11. Социология в России: в поисках новых идей и креативности: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский; Южный федеральный университет; Отв. ред. Н.Г. Скворцов. Ростов-н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2017. 196 с.
12. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность 15 лет спустя. М., 2018. 44 с.

Literature:

1. Bourdieu P. Sociology of politics. Trans. from French / P. Bourdieu; Comp., Total. ed. and foreword. N.A. Shmatko. 1993.
2. Volkov Yu.G. Russian reality in the space of sociological discourse: monograph : in 2 books. Book 1 / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsy; South Federal University; Ed. J.T. Toshchenko. Rostov-on/D.; Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University. 2018. 278 p.
3. Gorshkov M.K. Russian society as a new social reality / M.K. Gorshkov; Ed. M.K. Gorshkov //

- Reforming Russia. Yearbook. Iss. 6. M. : Institute of Sociology RAS. 2007. P. 3–9.
4. Diskin I.A. Russia, which is possible. M., 2011. 175 p.
 5. Podvoisky D.G. Sociological languages: polyphony or cacophony? // New ideas in sociology. M., 2013.
 6. Problems of theoretical sociology. Issue 11. SPb., 2016. 248 p.
 7. Regional sociology in Russia: Collection of materials of sociological research / Ed. V.V. Markin. Institute of Sociology RAS. M. : Ekslibris-Press, 2007. 480 p.
 8. Regional Sociology: Problems of Consolidating the Social Space of Russia / M. Gorshkov, V. Markin, A. Dmitriev and others Ed. V.V. Markin; Ed. board: M.K. Gorshkov, V.V. Markin, V.V. Voronov, Corresponding Member of RAS A.V. Dmitriev, N.I. Lapin, A.V. Tikhonov, A.N. Chumikov, E.K. Biyzhanova. New Chronograph. M., 2015. 600 p.
 9. Ruban L.S. Problems and possibilities of sustainable development of regions / L.S. Ruban, E.G. Kataeva // Regional sociology in Russia. M., 2007.
 10. Modern liberalism: J. Rawls, R. Dvorkin, I. Burlin, W. Kimlik, M. J. Sandel, J. Waldron, C. Taylor / Author. foreword L.B. Makeeva. M. : Progress-Tradition: House of Intellect. books. 1998. 248 p.
 11. Sociology in Russia: in search of new ideas and creativity: monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky; South Federal University; Resp. ed. N.G. Skvortsov. Rostov-on/D.; Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University, 2017. 196 p.
 12. Capitals and Regions in Modern Russia: Myths and Reality 15 Years Later. M., 2018. 44 p.

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОНСОЛИДАЦИЮ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ УСЕШНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК**



**FACTORS INFLUENCING THE CONSOLIDATION
OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT
OF SOCIAL MANAGEMENT PRACTICES**

Кривопусков Виктор Владимирович
доктор социологических наук,
президент
Международной ассоциации
участников космической деятельности
milena.555@mail.ru

Viktor V. Krivopuskov
Doctor of Social Sciences,
President
of the International Association
of Space Activities Participants
milena.555@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена такой актуальной для отечественной социологии управления проблеме, как теоретико-методологические подходы к поиску факторов, определяющих условия для консолидации российского общества. Автором отмечается, что в социологии управления проблема консолидации российского общества имеет весьма широкий спектр исследования и в основном представлена контекстным характером: на ее фоне изучаются различные актуальные проблемы современного российского общества (проблема доверия, справедливости, культурного развития и т.д.). Среди ключевых выводов им отмечается, что успех консолидации общества определяется тем, насколько комплексным, т.е., охватывающим все сферы общественного бытия и общественных отношений, является этот процесс.

**Ключевые
слова:**

консолидация, теория консолидации, социология управления, социум, консолидация общества, общественные отношения.

Annotation.

The article is devoted to such a topical problem for the national sociology of management, as the theoretic and methodological approaches to the search for factors that determine the conditions for the consolidation of Russian society. The author notes that in the sociology of management the problem of consolidation of Russian society has a very wide range of research and is mainly represented by a contextual character: on its background various pressing problems of modern Russian society (the problem of trust, justice, cultural development, etc.) are studied. Among the key conclusions, they note that the success of the consolidation of society is determined by how complex, i.e., covering all spheres of social existence and public relations, is this process.

Keywords:

consolidation, consolidation theory, management sociology, society, society consolidation, public relations.

В истории человечества встречались и присутствуют до сих пор различные отношения: власти и подчинения, согласия и конфликта, насилия и доброй воли. И всегда одним из важнейших выступал вопрос о том, как разрешить различные противоречия и конфликты в обществе, порождаемые самой природой организации общественной жизни, т.е., как предотвратить распад общества гибель цивилизации, сохранив тот или иной социальный порядок. Достаточно точно суть данной проблемы отразил Норберт Элиас: «Сегодня мы в самой социальной жизни обречены беспрестанно сталкиваться с вопросом, возможен ли, и если да, то как, порядок совместной жизни людей, который позволяет достичь, с одной стороны, согласия между различными потребностями и наклонностями, а с другой – всеми теми требованиями, которые ставит

перед индивидами их совместная работа по поддержанию и функционированию социального целого» [1, с. 21].

Терроризм, насилие, жестокость, агрессивность принявшие масштабный характер в современном глобальном мире, вновь обострили проблему устойчивого развития и такого социального порядка, в котором не будет места таким, угрожающим безопасности общества, явлениям. Возможность его формирования, во многом, определяется мерой доверия, скрепляющей общественные и межличностные отношения и позволяющей им развиваться в русле консолидации общих усилий на основе сплоченности, сходства базовых ценностных ориентаций.

Несмотря на то, что проблема консолидации общества является ключевой для современного российского социума, а, следовательно, и для отечественной социологии управления, теория консолидации еще не обрела единые концептуальные рамки в социологическом знании.

Сам термин «консолидация» в социологии встречается не так часто, как этого можно было бы ожидать в условиях разобщенности, атомизированности современного, и не только российского, общества, а также с учетом этимологии данного понятия (от лат. *consolido*), подразумевающего упрочение, укрепление, поддержку, объединение группы людей, организаций для усиления деятельности, борьбы за общие цели [2, с. 193]. Другими словами, этим понятием можно смело обозначать разновидность объединительных процессов в обществе.

О том, что данное понятие не является традиционным и активно используемым в социологии, говорит его достаточно скупая презентация в социологических словарях. Так, в одном из них дается информация о том, что консолидация представляет собой сплочение нескольких самостоятельных родственных по языку, культуре, образу жизни этнических групп в единый, новый более крупный этнос, а затем – нацию, представляющую из себя надэтническую социальную общность, объединенных единством территории, языка, культуры, экономической жизни, государственно-правовых установлений [3, с. 173].

Данное определение сформулировано в рамках этнографического и этносоциологического направления и отражает только межэтнический характер консолидации общества, в то время как общесоциальный уровень консолидации предполагает учет различных аспектов функционирования социума.

В социологии управления проблема консолидации российского общества имеет весьма широкий спектр исследования и, в основном, представлена контекстным характером: на ее фоне изучаются различные актуальные проблемы современного российского общества (проблема доверия, справедливости, культурного развития и т.д.) [4–7].

Консолидация, как нам представляется, акцентирована на единении с целью достижения общих для консолидационной группировки цели при сохранении самобытности, уникальности и определенной автономности включенных в нее социальных элементов, субъектов.

Проблема консолидации и ее теоретического анализа для российского общества стала первостепенной после распада СССР, когда некогда крепкое, сплоченное и сильное общество вдруг распалось, а вместе с ним – и единая общность – советский народ. Социологическая теория в рамках изучения процесса консолидации призвана ответить на вопросы: Какие факторы влияют на процесс консолидации и десолидации (снижения уровня сплоченности общества)? Кто выступает в роли основных субъектов социальной консолидации, какова роль политических и гражданских акторов в этом процессе?

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что в консолидации общества особая роль отводится доверию. В России проблема консолидации общества имеет относительно большее значение, чем во многих развитых странах, что обусловлено, масштабами трансформационных последствий постсоветских преобразований, повлекших за собой значительное снижение уровня жизни большинства населения, рост бедности, анонимности, преступности, и в целом дезинтеграции и деструкции российского общества. Изменение общественной парадигмы развития российского общества привело к образованию системы социального неравенства крайне несправедливого характера. Возникла, по словам, В.И. Добренькова, беспрецедентная поляризация: страна оказалась расколотой на кучку миллиардеров и миллионеров, с одной стороны, и бедствующее большинство, с другой, и «в условиях углубления пропасти между богатыми и бедными государство теряет средства для сохранения мира и согласия [8].

Резкое социальное расслоение населения, рост бедности и безграмотности, снижение физического и социального здоровья россиян и, прежде всего, среди молодежи, тенденции де-

популяции российского народа, рост экстремизма и ксенофобии, преступности, особенно в молодежной среде, и коррупции во всех жизненно важных сферах жизнедеятельности общества угрожают безопасности российского общества и его государственности.

Очевидно, что при таких условиях развития российское общество и государство обречено на национальную гибель в процессе саморазрушения, и поэтому необходимы своевременные меры по предотвращению столь катастрофичной ситуации. Ученые в разных аспектах высказывают свои опасения относительно разворачивающихся в России деструктивных процессов, но ярче всего это проявляется в популяризации проблемы национальной безопасности страны, о чем свидетельствует рост научных работ в данном направлении [9; 10].

Понятие «национальная безопасность» достаточно емкое и включает в себя различные виды безопасности, среди которых, обычно, исследователи называют экономическую безопасность, общественную безопасность, демографическую безопасность, информационную безопасность [11, с. 8]. Кроме того, сейчас актуализируются такие виды безопасности, составляющих важную часть национальной безопасности, как техногенная, экологическая, духовная, культурная.

Национальная безопасность России стала одним из самых приоритетных направлений государственной политики на современном этапе. В 2000 г. была принята Концепция национальной безопасности Российской Федерации, а также была разработана и принята Стратегия национальной безопасности до 2020 года [12], которая выступает ключевым документом, определяющим порядок действий и мер по обеспечению национальной безопасности страны на долгосрочную перспективу.

Принятая Стратегия национальной безопасности призвана скоординировать деятельность органов государственной власти, государственных и общественных организаций по защите национальных интересов России и обеспечению безопасности личности, общества и государства. При этом основополагающими национальными интересами считаются: территориальная целостность государства, его политическое самоопределение и самоуправление; достойное место в мировом сообществе; процветание страны и населения на основе обеспечения прав личности и благополучия всех составляющих его социальных групп [13, с. 16–17].

Эффективности реализации политики национальной безопасности зависит также от того, существует ли диалог между властью и обществом, а также консенсус относительно базовых общественных ценностей. Иначе говоря, необходим высокий уровень общественной консолидированности, которая обеспечивается за счет единства целей и ценностей, интересов и потребностей, а, следовательно, консолидация может рассматриваться как процесс социокультурно и ценностно обусловленный.

К примеру, если в российском обществе фиксируется социокультурный раскол, о чем говорят социологические данные [14; 15], выявившие наличие в стране как минимум трех мировоззренческих и ценностных групп (модернистов, традиционалистов и неопределившихся), то уровень консолидации априори в стране не может быть высоким, ибо каждая из групп имеет свои жизненно важные интересы и потребности, свое видение мира, производное от системы ценностей и ценностных приоритетов в ней.

Консолидация общества основывается на разделяемых большинством ценностях, но тогда возникает вопрос о том, на какие ценности должно опираться общество в период трансформации ценностей, когда базовая система ценностей общества разрушается, а новая еще не приняла стабильной и общенациональной формы...? Данная мысль и опасения, связанные с ней, хорошо выражены в словах Л. Бызова. Кажется бы, говорит он, что может быть приоритетнее, чем возвращение к истокам, к традициям, к той России, «которую мы потеряли», но возвращаться-то, по сути, некуда: мы уже далеко не те, и того дома, куда возвращаться, давно не существует [16; 17]. А это значит, что процесс консолидации российского общества требует глубокого осмысления изменений, происшедших в социокультурном и ценностном пространстве общества, а также, тенденций общественного развития, чтобы показать, на чем может основываться консолидационный процесс и какие перспективы открываются России в этом направлении.

На данный момент социокультурное пространство российского общества представляет собой хаотичное переплетение разнонаправленных и противоположных ценностных ориентаций, установок, которые пока сложно совместить в точке конвергенции, что выступает основным препятствием на пути к консолидации российского общества. Представители традиционной системы ценностей, которых еще достаточно много в России, придерживаются коллективистских ценностей, установок, определяющих поведение и мышление этих россиян и не желающих ми-

ряться с современной, по их мнению, крайне несправедливой ситуацией, сложившейся в России после перехода к рыночным отношениям.

В свою очередь, модернисты, представленные, в основном, поколением Перестройки и постсоветским поколением, ориентируются на рационально-индивидуалистические ценности западного общества, и точек соприкосновения между этими полярными группировками пока не наблюдается.

Социокультурный раскол в России, по мнению С.В. Патрушева и А.Д. Хлопина, многогранен и может интерпретироваться как субкультурный, этнокультурный, социально-профессиональный, регионально-поселенческий, «поколенческий», внутригражданский, социально-политический, внутри политических сил и т.д., а в основе социокультурного раскола лежит расхождение россиян в ценностных представлениях об общественном идеале и о реальном обществе [18, с. 301–302]. В таких условиях консолидация общества очень сложна, но жизненно необходима.

Исходя из большого количества нерешенных политических, социальных, экономических, этнополитических проблем, преобладания в формировании политической системы и гражданского общества административного ресурса, Е.А. Агеева делает вывод о фрагментарной консолидации, под которой понимает объединение, единение граждан, их организаций, политических партий, государственных структур по поводу какой-либо одной или нескольких ситуационных проблем и их решения [19].

В качестве факторов, способствующих консолидации российского общества Е.А. Агеевой называются:

- объединяющие политические, этнокультурные, социальные, экономические идеи и действия;
- существование феномена политической консолидации общества хотя бы в период выборов;
- наличие базовых ценностей патриотизма, социальной справедливости, взаимоуважения и взаимопомощи, общую историческую судьбу народа;
- формирующийся консенсус по поводу демократических путей выхода России из кризиса, целей и задач реформ, роли государства и общества в этом процессе, в то время как среди препятствующих факторов ею выделяются невысокий социально-экономический уровень развития российского социума; несформированное гражданское общество;
- наличие националистических проявлений; проявления ксенофобии; недостаточная эффективность правового регулирования рыночных, межэтнических отношений;
- противоречия между политикой федерального центра и регионов;
- продолжающиеся террористические акты, что и обеспечивает реализацию фрагментарной консолидации [19].

Решение проблемы консолидации российского общества зависит:

- во-первых, от глубокого и комплексного теоретического осмысления данного феномена с учетом исторической и социокультурной специфики социума;
- во-вторых, от консолидационного потенциала общества, который определяется наличием запроса общества на объединение и консолидацию усилий и возможностей для реализации этого запроса.

В свою очередь, возможности общества определяются уровнем психологической, аксиологической, политической готовности всего общества к активному участию в жизни страны и решении ее проблем в рамках единой целевой стратегии и наличием социальных условий для этого. О каких условиях идет речь?

Базовым условием для реализации консолидационных установок общества выступает наличие диалога между обществом и государством, между властью и гражданским обществом, а в полиэтничных условиях необходим и межкультурный диалог как важная основа консолидации социума.

Важнейшим ценностным основанием консолидации общества является наличие высокого уровня патриотизма в стране, так как объединение совместных усилий для решения проблем общегосударственного характера возможно только на основе любви к Родине, ради которой люди готовы пожертвовать своими личными интересами и сплотиться вокруг национальной идеи, национальных интересов.

Следовательно, вырисовывается еще одно важнейшее условие консолидации – наличие национальной идеи – того, ради чего и для чего народ должен объединиться, преодолев локальные интересы и потребности.

Нельзя не сказать также о том, что без наличия в обществе социальной справедливости как олицетворения такого социального порядка, в котором существуют равные возможности для реализации жизненных планов и стратегий индивидов, находящихся на разных уровнях социальной иерархии, невозможна консолидация. «Россияне живут в эпоху, когда ими ощущается несправедливость в устройстве общества и, прежде всего, в экономической сфере и трудовых отношениях. В социальном сознании остается травма, связанная с распадом СССР» [20, с. 98] – справедливо указывают Л.В. Константинова и С.А. Константинов. Эта травма еще долго будет определять сознание и поведение россиян и останется в исторической памяти поколений. Нелегитимный характер сложившегося социально-политического порядка и режима власти, несправедливость в целом социального устройства современной России и неправовой характер осуществляемых социально-экономических и политических практик оказывают серьезное воздействие на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий, протестных действий, что не способствует консолидации российского общества, а наоборот, все устойчивее закрепляет дезинтеграционные тенденции.

В завершение данной публикации следует отметить, что успех консолидации общества определяется тем, насколько комплексным, т.е., охватывающим все сферы общественного бытия и общественных отношений является этот процесс. В зависимости от сферы своего проявления, консолидация может быть политической, экономической, культурной, духовной, межэтнической. Факторы консолидации подразделяются на политические, экономические, духовные, этнические, социокультурные, аксиологические.

Значимость социальных факторов сплочения российского общества обуславливают обращение к такой важнейшей составляющей формирования консолидационного потенциала социума как доверие, так как доверительные отношения в современном обществе, особенно в условиях трансформации, выступают основой социальной интеграции и стабильности и позволяют гармонизировать социально-экономические, социально-политические, межнациональные, религиозные отношения, предотвращая конфликты в этих важных сферах общественного бытия и формируя консенсус по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни [5].

Литература

1. Элиас Н. Общество индивидов. М. : Праксис, 2001.
2. Современный словарь по общественным наукам / Под общей ред. О.Г. Данильяна, Н.И. Павнова. М. : Изд-во Эксмо, 2005.
3. Бабосов Е.М. Социология: Энциклопедический словарь. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. Дыльнова Т.В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества : дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2005.
5. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., Новый хронограф, 2010.
6. Розин В.М. Может ли общество выступить фактором консолидации и становления российской культуры. URL : <http://antropolog.ru/doc/persons/rozin/rozin5>
7. Андреев Э.М. Культура патриотизма и консолидация общества / Э.М. Андреев, А.В. Кузнецова. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2004.
8. Добренков В.И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М. : Академический проект; Альма Матер, 2011. С. 379–380.
9. Варфоломеев М. Проблема национальной безопасности в современном политическом процессе // Власть. 2008. № 5.
10. Коростылев Д.В. Взаимосвязь и взаимозависимость интересов основных объектов национальной безопасности // Власть. 2008. № 1.
11. Сапожникова А. Информационно-психологическая безопасность России: состояние и тенденции // Власть. 2008. № 2.
12. Указ Президента России «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г. № 537.
13. Иззатдуст Э.С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение. М. : Academia, 2010.
14. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9.

15. Бондар А.В. Социокультурный раскол и развитие российской государственности // Власть. 2009. № 3.
16. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) // Аналитический доклад. М. : ИС РАН, 2011.
17. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.
18. Патрушев С.В. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России / С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М. : ИС РАН, 2007. С. 301–302.
19. Агеева Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтнического региона) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
20. Константинова Л.В. Социальная справедливость в российском интерьере / Л.В. Константинова, С.А. Константинов // Власть. 2012. № 5.

References

1. Elias N. Society of individuals. M. : Praxis, 2001.
2. Modern Dictionary of Social Sciences / Under the general editorship of O.G. Danilyan, N.I. Panov. M. : Eksmo Publishing House, 2005.
3. Babosov E.M. Sotsiologiya: Enciklopedicheskiy slovar' [Sociology: An Encyclopedic Dictionary].
4. Dylnova T.V. Social justice as a basis for consolidation and development of modern Russian society : dis. ... doctor of social sciences. Saratov, 2005.
5. Social Factors of Consolidation of Russian Society: a Sociological Dimension. M., Novy khronograf, 2010.
6. Rozin V.M. Can society act as a factor of consolidation and formation of Russian culture? URL : <http://antropolog.ru/doc/persons/rozin/rozin5>
7. Andreev E.M. Culture of patriotism and consolidation of society / E.M. Andreev, A.V. Kuznetsova. M. : RIC ISPI RAS, 2004.
8. Dobrenkov V.I. Value-oriented sociology: the problem field of post-non-classical methodology. M. : Academic project; Alma Mater, 2011. P. 379–380.
9. Varfolomeev M. The problem of national security in the modern political process. 2008. № 5.
10. 10.Korostylev D.V. Interrelation and interdependence of interests of the main objects of national security. 2008. № 1.
11. Sapozhnikova A. Information and psychological security of Russia: status and trends // The Power. 2008. № 2.
12. Decree of the President of Russia «On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020» dated May 12, 2009. № 537.
13. Izzatdust E.S. National Security of Russia: institutional context and human Dimension. M. : Academia, 2010.
14. Andreev A.L. Values and ideological aspects of social inequality // Sociological researches. 2007. № 9.
15. Bondar A.V. socio-cultural split and the development of the Russian state // The Power. 2009. № 3.
16. Twenty years of reforms through the eyes of Russians (experience of long-term sociological measurements) // Analytical report. M. : IS RAS, 2011.
17. Gorshkov M.K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). M. : Novy khronograf, 2011.
18. Patrushev S.V. Sociocultural split and problems of political transformation of Russia / S.V. Patrushev, A.D. Khlopin // Russia is reforming. Yearbook. Iss. 6. M. : IS RAS, 2007. P. 301–302.
19. 19. Ageeva E.A. Political aspects of consolidation of modern Russian society (On the example of a polyethnic region) : dis. ... cand. of political sciences. M., 2004.
20. Konstantinova L.V. Social justice in the Russian interior / L.V. Konstantinova, S.A. Konstantinov. 2012. № 5.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

**САМОРАЗВИТИЕ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО АНАЛИЗА
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ВЛАСТИ**



**SELF-DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC ANALYSIS
OF THE MANAGEMENT RESOURCES OF POWER**

Абрамов Максим Алексеевич

доктор философских наук,
доцент,
доцент кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Maxim A. Abramov

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of General Humanitarian
and Natural Science Disciplines,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Славенко Олег Николаевич

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Oleg N. Slavenko

Applicant,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Марусидзе Нестер Фирузиевич

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Nestor F. Murusidze

Applicant,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Туркалов Алексей Олегович

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexey O. Turkalo

Applicant,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Гончаров Александр Витальевич

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander V. Goncharov

Applicant,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация.

Фундаментальные процессы функционирования власти в обществе приоритетно обращены к политике правящих сил, направленной на реализацию общенародных интересов, к развитию действенных механизмов общественного контроля за властью и формированию органов власти на основе свободных выборов. Современному демократическому обществу свойственно видеть силу власти в её неразрывной связи с народом. В статье рассматриваются отдельные принципиальные положения в контексте совершенствования методологии саморазвития при организации власти и управления в современных условиях.

Ключевые

слова:

общество, личность, государство, власть, саморазвитие.

Annotation. The fundamental processes of the functioning of power in society are prioritized against the policy of the ruling forces aimed at the realization of popular interests, the development of effective mechanisms of public control over power and the formation of authorities on the basis of free elections. Modern democratic society tends to see the power of power in its inseparable connection with the people. The article examines individual principles in the context of improving the methodology of self-development in the organization of power and management in today's conditions.

Keywords: society, personality, state, power, self-development.

Фундаментальные процессы функционирования власти в обществе приоритетно обращены к политике правящих сил, направленной на реализацию общенародных интересов, к развитию действенных механизмов общественного контроля за властью и формированию органов власти на основе свободных выборов. Достаточно очевидно, что современному демократическому обществу свойственно видеть силу власти в её неразрывной связи с народом. С точки зрения науки управления, функционально ориентированная методология исследования рассматриваемых деятельностей в структуре и процедурах государственного управления должна быть обращена к проблемам организации властных структур и их взаимодействия в процессе решения стоящих перед обществом задач.

Различные аспекты методологического обоснования процессов саморазвития для органов власти и управления в современных условиях исследуют Л.Г. Аргунова, А.Н. Бабенко, Г.У. Валиева, С.В. Григорьева, Е.В. Добролежа, Д.Г. Домрачев, А.В. Зырянов, Н.В. Екименкова, А.М. Елохов, В.Ю. Ильин, Ф.С. Исхакова, В.В. Казаков, М.А. Каткова, Н.П. Кирсанова, Н.П. Коллядин, А.В. Кулинченко, А.Л. Лазутина, В.А. Лебедев, Ю.И. Мигачёв, С.В. Мишина, Е.А. Морозова, М.Г. Полухина, Л.Л. Попов, О.К. Прохорова, И.Л. Селиванова, В.Ю. Фивейский. Взаимосвязь власти и ресурсов – проблема, которая исторически привлекает внимание исследователей.

Как определяют современные авторы, власть выполняет важнейшие функции: организации социального целого, обеспечения целостности общественной системы, управления делами общества, разрешения стоящих перед ним проблем. В любой сложноорганизованной системе базовой функцией является её собственное самосохранение, поддержание динамического равновесия со средой, на основе которой становится возможной реализация всех других функций и развитие системы. Эффективность управления обществом и решение стоящих перед ним задач, основаны на централизованном сосредоточении функций, их последовательном соподчинении с единым для всей системы управляющим центром.

В соответствии с признанными в науке определениями, методология – это система принципов и способов построения теоретической и практической деятельности, учение о таких системах в алгоритме поиска и определения цели, приёмов, методов, средств, способов достижения цели развития.

В свою очередь, предмет методологии научного исследования предполагает обращение к методам и процедурам научной деятельности, как в рамках конкретной дисциплины, так и для общей теории научного познания. Важным для данной темы является определение саморазвития, как осознанного и целенаправленного процесса по совершенствованию человека, группы, общества. Для государства, органов власти и управления саморазвитие принято рассматривать в характеристиках необратимости, позитивной направленности и научной закономерности. Соответственно, общественная самоорганизация, социальное многообразие, множественность действующих сил и результаты их взаимодействий представляют собой всё общественно-ценное. Однако самопроизвольные процессы могут заключать в себе не только потенциал для творческого развития и повышения организации общества, но и нести для него ощутимые угрозы.

Как отмечает А.В. Кулинченко, в настоящее время исторический процесс привел к тому, что общество в наиболее развитых странах вынуждено постоянно искать новые формы обеспечения эффективной взаимосвязи между бурно эволюционирующей системой деятельности людей, творческой активностью членов общества, организациями и структурами гражданского общества, с одной стороны, и властными структурами, – с другой. Речь идет о новых формах сотрудничества правительственных и неправительственных организаций, гражданских инициативах, общественной экспертизе административных решений, публичных расследованиях эффективности принятых решений с участием заинтересованных сторон, формировании общественных сетевых структур [1].

С одной стороны, система власти и управления должна быть построена таким образом, чтобы не подавлять имеющееся социальное многообразие интересов, потребностей, взглядов,

позиций, а также предлагаемых мер по решению тех или иных проблем. Указанное разнообразие и творческий потенциал являются важнейшим ресурсом для управления общественной системой на основе стимулирования ее самоорганизации. С другой стороны, стремление к согласию и общественная солидарность определяются безусловно доминирующей чертой личности каждого человека.

На уровне индивидуальных личностных установок саморазвития – современные исследователи аргументировано предлагают рассматривать саморазвитие как «самотворчество», способность человека «к постановке целей самоизменения» и «к поиску средств для достижения этих целей» [2, с. 62]. Как дискретный подход к саморазвитию личности можно рассматривать разделение этого процесса на структурные компоненты, такие как самопознание, волевая саморегуляция, самовоспитание, духовно-нравственная самооценка, самоопределение, самоактуализация, самореализация.

По условиям динамики современного государства и общества, необходимость модернизации всей системы властных отношений обусловила проведение административной реформы по разграничению полномочий и ответственности между центром, регионами и местными сообществами, а также принятие экстренных мер по укреплению единства страны и её безопасности, создание более эффективной системы власти, работающей на всех уровнях. Реформа предполагает, в том числе, создание общественных институтов для ведения широкого диалога граждан с властью, активного участия населения в процессах управления и развития, в законодательстве, в контроле над властью.

Как самостоятельная научная методология, синергетика рассматривает мир как последовательность деструктивных и креативных процессов, единство сохранения и разрушения. На этой основе удалось выявить созидательную функцию хаоса, который, устраняя отжившее, способствует рождению нового порядка, новых структур на основе развития одной из внутренних тенденций самоорганизации среды. Чувствительность сложной неустойчивой среды к малым отклонениям приводит к тому, что случайность выступает в качестве важнейшего механизма порождения нового. Случайное событие способно определить начало направления эволюции всей системы, становление новых закономерностей развития. Поэтому случайность нельзя игнорировать при анализе современных процессов в обществе. Напротив, в современном мире особое значение приобретают своевременное выявление проблем, обнаружение точек роста и точное управляющее воздействие.

Методология исследования саморазвития позволяет раскрыть факторы ослабления и неэффективности действий политической власти, помогает определить результаты нерационального распределения, обмена и воспроизводства ресурсов управления и власти. Для России эта проблема особенно актуальна: длительный период нестабильного состояния «переходности» негативно повлияет на процессы накопления и воспроизводства не только социальных, экономических, политических ресурсов власти, но и на внутренний источник ресурсного обеспечения всей структуры общественно-политических отношений - на качественные и количественные характеристики населения страны, её социальное ценностное наполнение, содержание и измерение. Как отмечается в ряде современных исследований, комплекс ресурсов политической власти можно условно разделить на постоянные и временные, при этом, любой ресурс политической, административной власти, являясь временным, при определенном стечении обстоятельств может стать постоянным. Человек – постоянный демографический ресурс власти, без которого не было бы и самой власти. Через реализацию множественных социальных факторов и ролей в комплексе демографического ресурса достигается наиболее эффективная система актуализации цивилизованности и государственно значимых качеств.

Так, в государственной управленческой практике ресурсное обеспечение может быть направлено как на мобилизацию имеющихся ресурсов, так и на привлечение сторонних по отношению к конкретному аспекту деятельности ресурсов. При этом непосредственно процессу управления предшествует ряд экспертных проверок возможности мобилизации имеющихся ресурсов, привлечения внешних ресурсов, а также обязательной проверки целесообразности данного действия. Под целесообразностью в этом случае понимается соотношение выгод от достижения выбранной цели и затрат по привлечению и мобилизации внешних ресурсов.

Соответственно, разнообразие властных отношений и разнообразие общественных сфер их проявления порождают целую гамму теоретических и практических проблем изучения и осуществления власти, которые, как свидетельствует история, всегда были актуальны для человека. Но особый интерес они вызвали в периоды общественных трансформаций, когда изменениям подвергаются не только материальные составляющие общества, но и сознание

людей, их ценности и отношение к окружающему, в том числе, к системе власти. Актуальный современный тезис состоит в том, что наука об управлении организациями – динамично развивающаяся область человеческих знаний, ориентированная на решение практических задач. К числу наиболее важных относится построение и развитие системы управления человеческими ресурсами, оптимизация бизнес-процессов, управление информационными потоками в организации. Одним из ключевых факторов, влияющих на эффективность решения перечисленных задач, выступает структура власти в организации – распределение ресурсов между подразделениями и отдельными сотрудниками.

Таким образом, важнейшей задачей и предназначением власти является организация совместной жизни людей, поддержание порядка и подчинение деятельности отдельных людей общим задачам, целям и решениям. Власть направлена на обеспечение единства всего общества, и одновременно она черпает силу в этом общенародном единстве. Носители власти и властные институты сильны не только единством их организации, но, прежде всего, - всенародной поддержкой. В этом состоит основа рассмотренного в данном материале комплекса научной методологии исследования саморазвития управленческих ресурсов власти в современных условиях.

Литература:

1. Кулинченко А.В. Власть и самоорганизация. О необходимости преодоления односторонних подходов к государственному строительству // Полис. Политические исследования. - 2014. № 6. С. 108–111.
2. Цукерман Г.А. Психология саморазвития / Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров. М. : Интерпракс, 1995. 288 с.
3. Григорьева С.В. Современный подход к понятию «исполнительная власть» в РФ // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2019. № 22. С. 282–287.
4. Домрачев Д.Г. Вопросы компетенции органов исполнительной власти в сфере местного самоуправления // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2018. № 2-1(63). С. 183–186.
5. Комягина А.С. Построение системы органов исполнительной власти субъекта РФ / А.С. Комягина, Н.В. Подбельский // Крымский научный вестник. 2019. № 1(7). С. 55–62.
6. Лебедев В.А. Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации в теории и практике государственного строительства : монография. М. : Проспект, 2019. 221 с.
7. Попов Л.Л. Государственное управление и исполнительная власть / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 320 с.

Literature:

1. Kulinchenko A.V. the Power and self-organization. On the need to overcome unilateral approaches to state construction // Polis. Political research. 2014. № 6. P. 108–111.
2. Zukerman G.A. Psychology of self-development / G.A. Zukerman, B.M. Masters. M. : Interprax, 1995. 288 p.
3. Grigorieva S.V. Modern approach to the concept of «Executive power» in the Russian Federation // Priority scientific directions: from theory to practice. 2019. № 22. P. 282–287.
4. Domrachev D.G. Issues in the competence of Executive bodies in the sphere of local government // New science: The oretical and practical view. 2018. № 2-1(63). P. 183–186.
5. Komyagin A.S. The construction of the system of Executive bodies of subject of the Russian Federation / A.S. Komyagin, N.I. Podbelskogo // Crimean scientific Bulletin. 2019. № 1 (7). P. 55–62.
6. Lebedev V.A. Legislative and Executive power of the subjects of the Russian Federation in the theory and practice of state construction : monograph. M. : Prospect, 2019. 221 p.
7. 7. Popov L.L. State management and Executive power / L.L. Popov, Yu.I. Migachev, S.V. Tikhomirov. M. : Norma, Infra-M, 2017. 320 p.

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА
НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВУЗА**



**PROBLEMS OF STUDYING LABOR LAW
AT THE UNIVERSITY'S FACULTY OF LAW**

Булкин Андрей Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права,
Российская таможенная академия
vladimirgrishai1969@mail.ru

Andrey N. Bulkin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Head of the Department of Theory
and the History of the State and Law,
Russian Customs Academy
vladimirgrishai1969@mail.ru

Дюжева Елена Львовна

доктор социологических наук,
доцент,
заместитель директора по развитию,
Автомобильно-дорожный колледж
vladimirgrishai1969@mail.ru

Elena L. Dyuzheva

Doctor of Social Sciences,
Associate Professor,
Deputy Director for Development,
Automobile and Road College
vladimirgrishai1969@mail.ru

Ширяев Александр Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Юридического института,
Северо-Кавказский
федеральный университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander S. Shiryaev

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of Criminal Procedure Law Institute,
North Caucasian
Federal University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Абрамов Сергей Валериевич

соискатель,
Северо-Кавказский социальный институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Sergey V. Abramov

Applicant,
North Caucasus Social Institute
vladimirgrishai1969@mail.ru

Тищенко Виктор Александрович

студент,
Российский государственный
университет правосудия
vladimirgrishai1969@mail.ru

Viktor A. Tishchenko

Student,
Russian State University of Justice
vladimirgrishai1969@mail.ru

Юрчевский Вячеслав Валерьевич

студент,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
vladimirgrishai1969@mail.ru

Vyacheslav V. Yurchevskii

Student,
North-Caucasus branch of Russian
State University of Justice
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация.

В современных условиях профессиональный авторитет и должностная успешность юриста определяются многими факторами. В современных условиях

востребованность профессиональных юристов в государстве и обществе остаётся стабильно высокой. Юристы в сфере трудовых отношений имеют достаточно узкую специализацию, однако в целом данная специальность в современном обществе сохраняет позитивную тенденцию к повышению популярности и востребованности. В статье обозначены основные проблемы изучения трудового права студентами юридического факультета. Оформлены авторские рекомендации для успешного решения соответствующих задач в современных условиях.

Ключевые слова:

общество, право, вуз, студенты, трудовое право.

Annotation.

In modern conditions, the professional authority and official success of a lawyer are determined by many factors. In modern conditions, the demand for professional lawyers in the state and society remains consistently high. Lawyers in the field of labor relations have a fairly narrow specialization, but in General, this specialty in modern society retains a positive trend towards increasing popularity and demand. The article outlines the main problems of studying labor law by students of the faculty of law. Author's recommendations for successful solution of relevant tasks in modern conditions are made.

Keywords:

society, law, University, students, labor law.

В современных условиях профессиональный авторитет и должностная успешность юриста определяются многими факторами. Соответственно, в современных условиях востребованность профессиональных юристов в государстве и обществе остаётся стабильно высокой. Юристы в сфере трудовых отношений имеют достаточно узкую специализацию, однако в целом данная специальность в современном обществе сохраняет позитивную тенденцию к повышению популярности и востребованности. Связано это и с тем, что в современной теории трудового права установлены значительные коллизии, противоречия, которые требуют объяснения, юридической квалификации и решения по признакам справедливости в комплексе трудовых прав и трудовых отношений.

Различные аспекты изучения и нормирования современного трудового права рассматривают в своих трудах отечественные исследователи А.А. Асеева, А.Н. Буцкова, К.А. Бышок, М.А. Вишнякова, Н.Г. Гладков, С.Ю. Головина, М.А. Горожанкина, Н.А. Гребенкина, И.К. Дмитриева, Е.А. Ершова, А.А. Ильняк, Е.В. Красноярова, А.М. Куренной, А.В. Курсаев, Д.Н. Маринкин, В.И. Миронов, Н.С. Михайлова. Н.Г. Морозов, Р.О. Пашоян, М.Г. Пыхтина, Е.В. Сапунова, Е.С. Стаурский, Е.Б. Хохлов.

Современные авторы установили, что сфера трудовых отношений, как и правовое сопровождение этой сферы, составляют важнейшую отрасль человеческой практики и правовой культуры по условиям специального научного и профессионального юридического оформления. Уже в процессе обучения в вузе студенты получают знания, как о правовых формальностях трудового законодательства, так и о содержании процедур обоснованного ограничения трудовых прав для конкретной профессии. Так, специфическим форматом юридической специализации студентов становится участие в работе студенческих научных кружков и обществ, профессионально ориентированных научных семинаров, методических и научных конференциях. Содержательная характеристика сознания студентов юридических специальностей предполагает формирование качеств добра, справедливости, интереса и самостоятельности в познании.

На этом фоне для преподавателей юридического факультета возрастающее значение имеет фактор педагогического профессионализма. Педагогическое творчество преподавателя в современных условиях предполагает формирование у студентов умения анализировать конкретные нормы социальных, экономических, финансовых институтов трудового права. Прежде всего, путём усвоения и закрепления знаний и навыков решения профессиональных задач трудового и предпринимательского права. Ведущим условием всех аспектов педагогического творчества преподавателей юридического факультета является соблюдение требований Конституции Российской Федерации. Ведущая формулировка здесь гласит: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля

2014 г. № 11-ФКЗ). Глава 2. Ст. 37. П. 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398).

Овладение юридической специальностью прямо связано с овладением специализированным понятийным аппаратом, приёмами оценки правовых фактов и судебной практики. В данном материале речь о судебной практике по трудовым спорам. Соответственно, студенты должны изучить алгоритмы и быть готовыми анализировать пути совершенствования основ трудового законодательства, регулирующего понимание и толкование оснований и порядка возникновения трудовых правовых отношений.

Прежде всего, рассматриваемая в данной теме методология обусловлена пределами действующего законодательства о труде. Так, Трудовой кодекс Российской Федерации чётко постулирует: «Целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей. Основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также, правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» (Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3).

На этом фоне развитие творческого подхода к педагогической деятельности в проблемном поле изучения трудового права находит выражение в формировании у студентов следующих параметров специальной компетентности:

- знание основ истории и современного содержания юриспруденции;
- умение определять функциональные и отраслевые параметры норм права;
- осваивать и расширять навыки работы с учебной и специальной юридической литературой, сборниками законодательства.

По условиям договорных обязательств, студенты старших курсов под руководством преподавателей готовы принимать участие в правовом оформлении деятельности малых и средних предприятий различной формы собственности. На примере многих вузов положительно зарекомендовала себя практика участия студентов юридического факультета в создании и развитии консультационных информационных центров трудового и предпринимательского права.

Профессиональная специализация юриста обязательно связана с углубленным изучением большого объёма соответствующих дисциплин. Однако привлекательность юридической профессии во многом определяется личными оценками, установками на получение соответствующего образования. Прежде всего, такие установки формируются и развиваются под влиянием родительского, родственного окружения. Наряду с этим, следует учитывать авторитет и влияние на сознание молодёжи профессиональных обучающих консультаций, общественную репутацию специальности, положительные примеры реализации ценностных установок для конкретной юридической специализации.

Таким образом, комплекс знаний, навыков и понятий, осваиваемых обучаемыми в предмете, методе и системе трудового права, включает в себя:

- содержание понятия «труд и его роль в жизни общества»;
- сущностные характеристики общественной организации труда, её формы;
- понятие «трудовое право», определение его места в системе российского права;
- предмет трудового права: трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения;
- метод трудового права и системы трудового права как отрасли;
- цели и задачи трудового законодательства; роль и функции трудового права;
- эффекты становления и развития трудового права России;
- соотношение трудового права со смежными отраслями права (гражданским, административным, предпринимательским, социального обеспечения);
- знания о предмете и системе науки трудового права;
- соотношение системы науки трудового права и системы отрасли трудового права, трудового законодательства;
- задачи науки трудового права на современном этапе и тенденции развития науки трудового права.

Современные исследователи отмечают двойственный характер понятия «источник трудового права».

Во-первых, данное понятие означает определенные формы требований законодательства о труде. Указанный аспект определяется формальным проявлением источников трудового права.

Во-вторых, об источнике трудового права можно говорить в связи с материальным проявлением в конкретной сети правоотношений, обязательств, конфликтов. Ведь нормы трудового законодательства материализуются в отношениях, на регулирование которых они направлены.

То есть, материальный аспект источников трудового права предполагает их проявление в правоотношениях. Между формальным и материальным проявлением источников трудового права лежит процесс реализации. Обоснование концептуальных подходов к основным принципам трудового права представляется весьма актуальной в аспекте теоретического осмысления их обновленного содержания (утраты или изменения, нового содержания) и выявления соотношения основных принципов трудового права с конституционными принципами и общепризнанными принципами, и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации. В науке трудового права остаются дискуссионными вопросы о понятии «принципы трудового права» и форме их выражения, а также, о соотношении друг с другом, их регулятивной роли. Принципы трудового права в системе норм трудового права занимают особое место, обладают комплексом присущих им признаков:

- они являются наиболее важными основными началами, первоосновой трудового права, преломляют содержание его норм;
- имеют универсальную, всеобщую сферу действия в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации;
- обладают определенным приоритетом по сравнению с обычными нормами (правилами поведения). Нормы и институты не могут противоречить и соответствуют принципам;
- они взаимообусловлены, имеют комплексный характер, взаимосвязаны, каждый принцип рассматривается в контексте всех других принципов;
- обладают формальной определенностью.

Принципы трудового права как исходные начала могут быть выражены в виде общих норм, обычно не регулирующих конкретно поведение лиц, но устанавливающих общую направленность, единые основы правового регулирования и единство системы отрасли трудового права. Они зафиксированы в Конституции РФ, ТК РФ, иных федеральных законах, играют важную функциональную роль.

По своей функциональной роли в механизме правового регулирования труда они отнесены к исходным нормам как нормы-принципы либо иным нормам. Их особенность заключается в том, что они участвуют в правовом регулировании не напрямую, а опосредованно в тесной связи и единстве с нормами – правилами поведения, составляющими большую часть юридических норм. Применение этих норм должно осуществляться в обязательном порядке с учетом соответствующих принципов.

Сегодня перспективы изучения трудового права на юридическом факультете вуза определяются возможностями выпускников работать в производственных отраслях, в промышленных компаниях, на престижных должностях в структурах и органах муниципальной, государственной службы и управления. Также, сохраняют актуальность и поддерживаются профессиональным сообществом настроения молодых юристов к продолжению послевузовской специализации в рамках юридического сообщества – в международных и российских организациях, юридических консультациях и кабинетах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). Глава 2. Ст.37. п. 1 // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 11 окт. 2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3. Принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года.
3. Забрамная Е.Ю. К вопросу о пределах договорного регулирования правового поведения в сфере несамостоятельного труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 6–9 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Митрофанова О.И. Профессиональные стандарты : учебно-практическое пособие / О.И. Митрофанова; Отв. ред. Д.Л. Кузнецов. М. : КОНТРАКТ, 2017. 136 с. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Петров А.Я. Трудовой договор 3-е изд., пер. и доп. : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. Юрайт, 2019.
6. Филиппова И.А. Международное и национальное трудовое право : учебное пособие // СПС «КонсультантПлюс». Н. Новгород : Нижегородский университет, 2015. 80 с.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote December 12, 1993) (subject to amendments made by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30 Dec. 2008 № 6-FKZ, from 30 Dec. 2008 № 7-FKZ, from February 5, 2014 № 2-FKZ, from July 21, 2014 № 11-FKZ). Chapter 2. Art. 37. item 1 // SOBR. Zakonodatelstva RF. 2014. № 31. Art. 4398.
2. Labor code of the Russian Federation of 30 Dec. 2001 № 197-FZ (as amended on 11 Oct. 2018) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part I). Art. 3. Adopted by the State Duma on December 21, 2001 Approved by the Federation Council on December 26, 2001.
3. Zabramnaya E.Yu. On the question of the limits of contractual regulation of legal behavior in the sphere of independent labor // Labor law in Russia and abroad. 2017. № 4. P. 6–9 // SPS «ConsultantPlus».
4. Mitrofanova O.I. Professional standards: educational and practical guide / O.I. Mitrofanova; Ed. by D.L. Kuznetsov // SPS «ConsultantPlus». M. : CONTRACT, 2017. 136 p.
5. Petrov A.Ya. Labor contract 3rd ed., TRANS. and add. Study guide for bachelor's and master's degrees. Yurayt, 2019.
6. Filippova I.A. International and national labor law : textbook // SPS «ConsultantPlus». N. Novgorod : Nizhniy Novgorod University, 2015. 80 p.

**ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ВЛАСТИ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**



**THE SIGNIFICANCE OF CLASSICAL THEORIES
OF POWER FOR A MODERN STATE**

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
общегуманитарных и
естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Vladimir N. Grishay

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of General Humanitarian
and Natural Science Disciplines,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Курносенко Андрей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
начальник,
Главное управление экономической
безопасности и противодействия
коррупции МВД России
vladimirgrishai1969@mail.ru

Andrey A. Kurnosenko

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Head of the Main Department
of Economic Security
and Anti Corruption MVD of Russia
vladimirgrishai1969@mail.ru

Сыпачев Сергей Владимирович

кандидат социологических наук,
начальник управления процессуального
контроля и криминалистики,
Главное военное
следственное управление
vladimirgrishai1969@mail.ru

Sergey V. Syachev

candidate of social Sciences,
Head of the Department
of Procedural Control and Criminalistics,
Main Military
Investigative Department
vladimirgrishai1969@mail.ru

Костюк Анна Владимировна

адъюнкт,
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
vladimirgrishai1969@mail.ru

Anna V. Kostyuk

Graduated in a Military Academy,
Krasnodar University
Ministry of the Interior
of the Russian Federation
vladimirgrishai1969@mail.ru

Юрчевская Ульяна Владимировна

студентка,
Кубанский государственный университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Uliana V. Grcevskaya

Student,
Kuban State University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация. Теория власти объединяет концепции, предлагающие различные варианты объяснения способности отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства навязать свою волю другим участникам социального взаимодействия и управлять их действиями насильственными или ненасильственными средствами и методами. Ведущим основанием научного анализа

проблемы власти в современных условиях становится исследование соотношения классических и современных теорий в развитии данного феномена. В статье представлены авторские варианты типологии для конструктивных элементов классической теории власти. Установлены актуальные научные положения, объясняющие значение классических концепций власти и управления для современного государственного строительства.

Ключевые слова:

государство, общество, власть, властные отношения.

Annotation.

The theory of power combines concepts that offer various explanations for the ability of an individual, group of people, organization, party, or state to impose their will on other participants in social interaction and control their actions by violent or non-violent means and methods. The leading basis for scientific analysis of the problem of power in modern conditions is the study of the correlation of classical and modern theories in the development of this phenomenon. The article presents the author's variants of the typology for the constructive elements of the classical theory of power. Actual scientific positions explaining the significance of classical concepts of power and management for modern state construction are established.

Keywords:

state, society, power, power relations.

П о научному содержанию, теория власти объединяет концепции, предлагающие различные варианты объяснения способности отдельной личности, группы людей, организации, партии, государства навязать свою волю другим участникам социального взаимодействия и управлять их действиями насильственными или ненасильственными средствами и методами. Ведущим основанием научного анализа проблемы власти в современных условиях становится исследование соотношения классических и современных теорий в развитии данного феномена.

Анализ конструкции власти на основе сопоставления классических и современных теорий предполагает скрупулезное исследование взаимоотношений, ценностных установок, действий, институтов и социальной структуры, которые находят специфическое выражение на разных уровнях организации власти. На уровне действия – это способность субъекта власти действовать в соответствии со своими интересами и целями, вмешиваться в ход событий и изменять его. На институциональном уровне власть означает способность предоставлять полномочия тем или иным группам людей или институтам принимать решения и осуществлять на практике. В свою очередь, пределы этой власти ограничиваются социальной, экономической, культурно-исторической структурой общества. Например, в широком смысле ресурсы власти представляют собой всё то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других. Ресурсы, наряду с субъектом и объектом, выступают одним из важнейших оснований власти, хотя иногда ресурсы и основания власти отождествляют.

В трактовках рассматриваемой темы, исследование соотношения классических и современных концепций власти и управления позволяет оформить научный фундамент исторически последовательного анализа позиций и взглядов, которые являются опорой для властной деятельности государственных органов и должностных лиц. Как отмечают современные авторы, идеи, касающиеся проблемы власти формируются в Европе с XVII–XVIII веков. В этот период властные отношения приобретают новый уровень развития и аксиологических определений, ориентированных на человеческое поведение. Большое внимание в трактовке власти уделяется таким дисциплинам как религия, образование, медицина, территориальное распределение и педагогический контроль. На их основе формируются контрольные и репрессивные моменты, составляющие «дисциплинарную власть» [1].

В достаточно традиционных трактовках, под дисциплинарной властью понимаются техники, превращающие отдельных субъектов взаимоотношения и коммуникации в объекты при помощи разного рода дисциплин, задающих некоторую модальность действия коммуникативных сетей взаимоотношений, техник, стратегий, и других социальных практик. Подобный подход к проблеме власти вполне может быть оспорен и ему необходимо дальнейшее развитие, но сейчас мы понимаем, что в тематических исследованиях открываются новые, более глубокие архитектуры власти, что дает основание рассматривать единство теории и практики в стратегиях и механизмах власти [2].

Одним из первых систематизированный анализ государственной бюрократии и бюрократов осуществил немецкий социолог Макс Вебер. Его классическое исследование «Хозяйство и общество» (1921) дает отправную точку для современного изучения административно-государственного управления [3]. Следует отметить, что сегодня в научных трудах наблюдается переход к принципиально новой аналитике как государственной, так и власти в целом, что позволяет моделировать её действительное осуществление. Таким образом, под феноменальностью власти современные авторы понимают особый способ отношения, взаимодействия государства и общества, который характеризуется следующими форматами:

- во-первых, неравенством взаимодействующих сторон, разделением их на субъект власти, который обладает определенными ресурсами, и объект власти, который их не имеет;
- во-вторых, способностью субъекта власти формулировать и излагать определенные цели и формировать изменение поведения в зависимости от поставленных целей;
- в-третьих, властвующий субъект обладает возможностью применения санкций по отношению к подчиненному [4].

Властные отношения проникают во все сферы социальной жизни. Власть присутствует в семье, трудовом коллективе, учебном заведении, и т.п. В процессе культурно-исторического развития формируются различные концепции власти. Так, австрийский биолог и философ Л. Фон Бергаланфи первым из западных ученых разработал концепцию организма как открытой системы. Согласно системной концепции:

- политическая власть является систематизирующим отношением, вокруг которого создается политическая социальная система;
- все остальные отношения и элементы системы находятся в тесной взаимосвязи с ней.

В начале 20 века, анализируя сущность организации, А.А. Богданов высказал идею о необходимости системного подхода к её изучению, дал характеристику соотношению целого (системы) и элементов (частей), показал, что для организации целостность не есть простая сумма его частей, – «... Организованное целое на самом деле практически больше простой суммы своих частей не потому, что в нем создавались из ничего новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления. Наш мир есть вообще мир разностей» [5].

В бихевиористской концепции ключевым моментом выступает психологическое объяснение государства и политической власти. Здесь политическая власть понимается как совокупность отношений, обусловленных психическими различиями людей, одни ориентированы на господство, другие – на подчинение. Динамика развития власти обращена к сохранению упорядоченности, единства и стабильности социальной общности, в которой отдельный социальный субъект становится участником властных отношений, раскрывает оценки в понимании власти, способов её осуществления в процессе взаимодействия. Такая ситуация создает впечатление того, что конкретный социальный агент, занимающий ту или иную властную позицию и есть сама власть. Однако при таком взгляде упускается из виду то, что сам действующий субъект помещён в уже существующее пространство власти и систему властных технологий.

Ведущим автором современной теории разделения властей считается выдающийся французский мыслитель Ш.Л. Монтескье. В его работе «О духе законов» (1748), представлен актуальный тезис: «В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и ведающая вопросами гражданского права». Эта власть карает за преступления и разрешает споры при столкновении частных лиц, её можно назвать судебной властью. Выделение права в самостоятельную ветвь государственной власти представляет собой существенный вклад Ш.Л. Монтескье в развитие теории разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, благодаря которому доктрина обрела стройность и завершенность.

Формула разделения властей Ш.Л. Монтескье выражена в следующих словах: «Все погибло бы, если в одном и том же лице или учреждении ... были соединены три власти; власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступников и тяжбы частных лиц» [6]. Разработанная им теория направлена, прежде всего, против злоупотребления властью, деспотизма. Ш.Л. Монтескье подчеркивал, что необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга.

В современных источниках доказано положение о том, что средством власти выступает весь арсенал соответствующей тактики и стратегии – от администрирования, устрашения до применения силы для подавления возможного противостояния субъекта власти и его объекта - народа. Субъект власти заинтересован в наращивании и продлении господства, в то время как объект власти жаждет увеличения свободы, стремится к независимости, достоинству и достатку. В философской, психологической, социологической и политологической литературе проводится структурный анализ категории «власть», выявляющий, к примеру, социальный аспект. Здесь власть есть силовое отношение, выражающее реально е доминирование. Власть означает способность проявлять свободу действий согласно своим целям и своей воле, что в отношении объектов власти создает определенную систему ущемлений. Формируется психологический аспект, для которого власть есть результат в соотношении лидерства, оно устанавливается в межличностном взаимоотношении и взаимодействии, при котором обособливаются ведущая и ведомая стороны, субъект и объект власти. На уровне, формируемом гносеологическим аспектом, власть есть целенаправленный способ накопления, закрепления и реализации знаний.

Основой власти служат знание и воля. В знании проявляется максимально возможный сознательный расчет действий и всех возможных последствий в заданных обстоятельствах. В воле оформляются критерии подчиненности целям, целеустремленность и настойчивость. Знание и воля являются неперенными атрибутами профессиональной власти. Знание наделяет власть осмотрительностью, предсказуемостью и обоснованностью, а воля обеспечивает необходимую для достижения поставленных целей активность. Организационный аспект позволяет выявлять ресурсы власти, посредством наращивания порядка, уровня организации, организованности и регламентации жизни по всем параметрам. Очевидно, что регламентируемый порядок сковывает творчество и инициативу людей. В то же время инициатива, не утвержденная властью, ищет собственные обходные пути, не получая на это санкции власти. В интегральном политическом аспекте власть склонна к самореализации посредством осуществления влияния, подчинения, принуждения. Прежде всего, в соответствии с фактическим или предполагаемым балансом сил в обществе, направленным на сохранение существующего положения вещей или его изменение [7].

Как установили современные авторы, власть существует и функционирует не только в различных сферах общества, но и на трех уровнях его социальной структуры:

- общественном, охватывающем наиболее сложные социально-политические отношения;
- публичном, или ассоциативном, объединяющем коллективы и отношения в них (общественные организации, союзы, производственные и иные коллективы);
- личном (частном, приватном), в малых группах и т.п.

На всех этих уровнях власть обретает свойства института, оформляется в специализированных учреждениях (аппаратах власти) и должностях, в иерархиях правящих сил и лиц (политических лидеров, работников управления, органов власти).

Исторически складывающиеся национальные особенности, специфика властного мышления и соответственно особые, универсальные технологии осуществления власти организуют, структурируют, стратифицируют социальное пространство, функционирующее уже как пространство реализации власти со свойственными ему властными отношениями и иерархической структурой. Проблема понимания власти сохраняет свою актуальность, поэтому, чтобы выработать необходимую модель, которая бы учитывала специфику и особенности ментальности государственного устройства, необходимы исследования в области классических и современных концепций.

Литература:

1. Василенко И.А. Политология : учебник. М. : Юрайт. 2011. С. 56.
2. Крыштановская О.В. Форматы российской власти // Политические исследования. 2010. № 1. С. 30.
3. Шадрина Л.Ю. К вопросу об эффективности социальной технологии реализации власти // Власть. 2010. № 12. С. 121.
4. Агабеков Г.Б. Концепция разделения властей. История и современность. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 45.

5. Моисеев Н.Н. Тектология А.А. Богданова – современные перспективы // Вопр. философии. 1995. № 8. С. 23.
6. Монтескье Ш.Л. О духе законов. Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 3. С. 162.
7. Оболонский А.В. Мораль и право в политике и управлении : монография. М. : СИНТЕГ. 2017. № 1. С. 76.

Literature:

1. Vasilenko I.A. political Science : textbook. М. : yurayt. 2011. P. 56.
2. Kryshchanovskaya O.V. Formats of the Russian government // Political research. 2010. № 1. P. 30.
3. Shadrina L.Yu. On the issue of the effectiveness of social technology for the implementation of power. 2010. № 12. P. 121.
4. Agabekov G.B. The Concept of separation of powers. History and modernity. М. : INION RAS, 2017. P. 45.
5. Moiseev N.N. Bogdanov's tectology – modern perspectives // Vopr. philosophy. 1995. № 8. P. 23.
6. Montesquieu Sh.L. The spirit of the laws. Anthology of world legal thought. М., 1999. Vol. 3. P. 162.
7. Obolonsky A.V. Morals and law in politics and management : monograph. М. : SINTEG. 2017. № 1. P. 76.

**СИСТЕМНЫЕ ЗАДАЧИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В СОДЕРЖАНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ**



**SYSTEM CHALLENGES AND CURRENT ISSUES
IN THE CONTENT OF RELIGIOUS EDUCATION**

Дзюба Марина Анатольевна

кандидат социологических наук,
доцент,
проректор,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Marina A. Dzyuba

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Vice Rector,
Essentucky Institute
Governance, Business and Rights
vladimirgrishai1969@mail.ru

Гришай Жанна Георгиевна

кандидат социологических наук,
доцент,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Zhanna G. Grishay

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Essentucky Institute
Governance, Business and Rights
vladimirgrishai1969@mail.ru

Шатовкина Римма Викторовна

кандидат юридических наук,
судья,
Новосибирский областной суд
vladimirgrishai1969@mail.ru

Rimma V. Shatovkina

Candidate of Legal Sciences,
Judge,
Novosibirsk Regional Court
vladimirgrishai1969@mail.ru

Зенина Юлия Михайловна

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Yulia M. Zenina

Applicant,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Новицкая Мария Сергеевна

студентка,
Ставропольский государственный
аграрный университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Maria S. Novitskaya

Student,
Stavropol State
Agrarian University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация.

Теоретические и методологические подходы к изучению государственной политики в области отношений с религиозными объединениями находятся в зоне пересечения таких наук как религиоведение, социальная философия, политология, политическая социология, история, а также блока юридических дисциплин: теории государства и права, конституционного права, административного и других. В статье раскрываются актуальные проблемы религиозного воспитания граждан современного общества. Рассматривается авторский вариант научного анализа и систематизации опыта религиозной педагогики.

Ключевые

слова:

человек, государство, церковь, политическая система, религиозные объединения.

Annotation. Theoretical and methodological approaches to the study of state policy in the field of relations with religious associations are at the intersection of such Sciences as religious studies, social philosophy, political science, political sociology, history, as well as a block of legal disciplines: theory of state and law, constitutional law, administrative law, and others. The article reveals the actual problems of religious education of citizens of modern society. The author's version of the scientific analysis and systematization of the experience of religious pedagogy is considered.

Keywords: person, state, Church, political system, religious associations.

Теоретические и методологические подходы к изучению государственной политики в области отношений с религиозными объединениями находятся в зоне пересечения таких наук, как религиоведение, социальная философия, политология, политическая социология, история, а также блока юридических дисциплин: теории государства и права, конституционного права, административного и других.

На этом фоне следует отметить, что образование в XXI веке направлено на воспитание человека с гуманистическим мироощущением, который способен ориентироваться в сложной социокультурной ситуации. То есть, имеет стремление к формированию опыта отношений с окружающими на основе взаимопонимания, сотрудничества, толерантности. Поэтому одной из приоритетных задач сегодня в государстве и обществе является воспитание человека в духе высокой нравственности и культуры. Однако здесь выявляется методологическое несовершенство научного метода типологии в применении к государственной политике в области отношений с религиозными объединениями, проявляющееся в ограниченности его объяснительных возможностей.

Феномен глубокой и тесной взаимосвязи религии и политики всегда привлекал к себе пристальное внимание ученых, политических и общественных деятелей. В последнее время в российской и зарубежной науке заметно возрос интерес к такому его аспекту, как проблематика государственной политики в области отношений с религиозными объединениями.

Научные проблемы религиозного сознания и нравственно ориентированного религиозного воспитания человека изучают Э.Г. Баландина, Н.Г. Баринаева, Е.О. Беликова, Т.А. Берсенева, Н.И. Володина, К.Д. Давлетин, М.И. Демков, С.Ю. Дивногорцева, О.Р. Зайцева, В.А. Зверева, А.А. Игнатов, Ю.Б. Козлова, А.В. Колодин, А.Н. Кудряшова, Д.О. Лордкипанидзе, Н.Г. Лыкова, Н.И. Махоткина, С.В. Медведко, В.И. Миронов, Р.М. Мухаметзянова, Л.Н. Осипова, М.В. Разина, А.С. Романова, А.А. Сафонов, А.С. Свистухина, Л.Д. Столяренко, О.Н. Терехов, А.Ф. Тришин, А.В. Четверткова, Э.А. Чурсина, С.В. Шевчук, О.С. Шутова. Приоритетное содержание традиционно имеет тезис о том, что религиозное воспитание должно включать гуманитарную составляющую, ориентировать индивида на освоение и сохранение культурных и национальных традиций.

Как отмечают современные авторы, на социально-педагогическом уровне актуальность темы исследования религиозного сознания и воспитания обусловлена противоречием между необходимостью обеспечить становление в каждом человеке его субъектности как потребности и способности к самодетерминируемому поведению, самоопределению и самореализации в пространстве отечественной и мировой культуры. Прежде всего, на фоне явно недостаточной востребованности воспитательного потенциала религиозной педагогики, реализация которого позволит успешно решать стоящие перед образованием задачи (В.И. Миронов Воспитательный потенциал религиозной (православной) педагогики и его реализация в негосударственном общеобразовательном учреждении // автореф. дис. ... канд. педагогич. наук. М., 2003. С. 2). Актуальным для граждан России является формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им.

Значимость религии как символического универсума состоит в обращении к трансцендентному, выходящему за пределы любого повседневного опыта. Любая религия – это, прежде всего, идея, которая должна объединять людей, давая им определённые ценности, определённые нормы поведения, запреты, в одних случаях, и свободу – в других. По результатам современных исследований можно выделить черты, позволяющие определить религиозного человека:

- знание истоков религии;
- знание канонов и догматов;
- соблюдение ритуальных практик; сознательная вера.

В ряде современных исследований установлено, что государственная политика в сфере свободы совести и вероисповедания в современной России разрабатывается и осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях органами законодательной, исполнительной и судебной власти. Конституционно-правовые и концептуальные основы находятся в состоянии динамического становления. То есть, структура органов, осуществляющих эту политику, имеет сложный разветвленный характер при отсутствии должной координации. Позитивный вклад в согласование региональной и федеральной государственной политики в сфере свободы совести и вероисповедания могут внести федеральные округа, возглавляемые полномочными представителями Президента РФ. Постепенно возрастает уровень компетенции исполнительных органов в вопросах государственного управления, включая выработку и осуществление согласованной конфессиональной политики в субъектах Федерации, обеспеченный с учетом общефедеральной политики и местной этнической конфессиональной специфики. В целях повышения эффективности государственной политики в обеспечение гарантий свободы вероисповедания практикуется создание территориальных общественных консультативных и экспертных органов.

Мы разделяем мнение ряда авторов о том, что в современном российском обществе наблюдается дефицит социальной этики и считается целесообразным компенсировать этот дефицит через обращение к православию как источнику нравственности. Православие в современной России претендует на более широкий статус, чем статус духовного института. Это стремление проявляется в обширном дискурсе по многим проблемам российской действительности, в том числе по тем, которые еще недавно не находились в центре внимания православия: права человека, построение гражданского общества, современное экономическое развитие и др.

Православная церковь активизирует теоретическую деятельность, разрабатывая концепции и доктрины для направленного формирования общественного мнения. В свою очередь, через обращение к проблемам прав и достоинства человека религия участвует в формировании правосознания и становлении гражданского общества в современной России. «Вопросы государственной политики в области отношений с религиозными объединениями имеют не только общественно-политическую, но и научную значимость, они постоянно находятся в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей», – пишет О.С. Шутова (Шутова О.С. Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями // Юрайт. М., 2017. С. 11).

На фоне глубоких перемен, происходящих в экономической, социально-политической и духовной сферах жизни общества, в нашей стране в последнее десятилетие, проблематика государственной политики в области отношений с религиозными объединениями приобретает особую актуальность, от ее эффективности во многом зависит состояние межнациональных отношений, психологический климат и общественно-политическая ситуация в целом.

В настоящее время отношения государства и религиозных объединений являются важнейшим элементом внутренней политики России. Государство взяло курс на организацию взаимодействия и плодотворного сотрудничества с религиозными объединениями в различных сферах общественной жизни, особенно в тех, где большое значение имеет духовно-нравственный фактор.

В порядке научного исследования по данной теме следует исходить из актуального положения, что современные задачи религиозного воспитания коренным образом изменились в модуле отношений между государством как основным институтом политической системы и религиозными объединениями. В настоящее время, с одной стороны, декларируется отделение религиозных объединений от государства, с другой – происходит активное сотрудничество государственных институтов с религиозными объединениями, прежде всего, с Русской Православной церковью. Религиозные объединения получили возможность свободно осуществлять свою деятельность в распространении вероучения, в социокультурной, милосердно-благотворительной, общественно-политической и хозяйственно-предпринимательской деятельности. Особую активность религиозные объединения стали проявлять в сфере культурно-образовательных учреждений РФ. Однако это объективно ведёт к нарастанию противоречий между законодательством и практикой, то есть происходит нарушение признаков светского государства.

По условиям своей жизнедеятельности, человек оценивает и переоценивает существующее в обществе мировоззрение, всеобщая значимость и обязательность которого выходят за пределы непосредственного контекста социальных отношений. Плюрализм и индивидуализм современного общества обуславливают тот факт, что религиозный опыт и религиозные убеж-

дения во многих случаях находятся под влиянием различных религиозных и философских систем, часто носят фрагментарный, эклектичный характер. Так и религиозное мировоззрение выполняет социальные функции, которые изменяются вместе с развитием общества.

При анализе поведения верующих недостаточно учитывать динамику, происходящую на макроуровне. Необходимо учитывать процессы, происходящие на микроуровне, уровне религиозного сознания. Религиозные убеждения не всегда проявляются через поступки. Например, человек, будучи очень религиозным, может не всегда находить время для совершения требуемых религиозных ритуалов. В то же время, некоторые люди регулярно участвуют в обрядовой стороне жизни религиозной общины в силу традиции и воспитания, утратив религиозное чувство.

При исследовании религии важно учитывать процессы, происходящие на уровне сознания верующих; в особенности, это характерно для постсекулярного общества, в котором конфессиональная принадлежность может иметь формальный характер, а границы религиозной идентичности размыты и подвижны. Религиозный плюрализм и ценности личностного выбора также изменяют отношение к традиционным религиям в современном обществе, по сравнению с обществом традиционным. Значительная часть верующих ориентируется в большей степени на субъективные ценности и потребности, чем на требования традиции; большое влияние на формирование религиозного мировоззрения оказывают СМИ.

Религиозное сознание большинства верующих эклектично и динамично по своим проявлениям; принадлежность к традиционной религии не ограничивает духовный поиск, который теперь не зависит от временных и культурных рамок. В некоторых случаях верующие участвуют в различных «нетрадиционных» религиозных практиках; например, обращение к атрибутам восточных религий, трансляция паранаучной терминологии приводит к новым схемам по принципу творческой реструктуризации веры. Участвующие в таких поисках верующие полагают, что их вера становится современной, изменяется в соответствии с требованиями времени.

Таким образом, на научно-теоретическом уровне актуальность темы данного исследования обусловлена противоречиями между востребованностью традиции воспитания на основе религиозной культуры в современных условиях динамично нарастающих социокультурных трансформаций и недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ религиозной педагогики, в том числе, признанием воспитательного потенциала религиозной педагогики и не разработанностью общепедагогических подходов к его реализации в общем образовании. В современных исследованиях отмечается, что в последние десятилетия активизировался научно-педагогический поиск, публикуются результаты исследований по данной проблеме.

В целом, актуальность исследуемой проблемы в данной теме обусловлена устойчивым ростом религиозности в российском обществе. В контексте образования и всестороннего культурного развития людей разных возрастов, современные исследователи предлагают системный подход к проблемам конфессионального воспитания, включающий элементы духовно-нравственного, патриотического воспитания, воспитания толерантности.

Литература:

1. Миронов В.И. Воспитательный потенциал религиозной (православной) педагогики и его реализация в негосударственном общеобразовательном учреждении : автореф. дис. ... канд. педагогич. наук. М., 2003. С. 2.
2. Шутова О.С. Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями // Юрайт. М., 2017. С. 11.
3. Аринин Е.И. Религиоведение; Академический проект. М., 2016. 320 с.
4. Бим-Бад Б.М. Педагогические течения в начале XX века: Лекции по педагогической антропологии и философии образования. М. : Изд-во УРАО, 1998. 116 с.
5. Малков П.Ю. Введение в Литургическое Предание / Таинства Православной Церкви; Издательство Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. М., 2018. 320 с.
6. Филиппов В.В., Гуманистическая роль образования: православие и воспитание // Воспитание школьников. 1999. № 3. С. 5–7.
7. Языкович В.Р. Религиоведение : монография. ТетраСистемс. М., 2018. 112 с.

Literature:

1. Mironov V.I. Educational potential of religious (Orthodox) pedagogy and its implementation in non-government educational institution // Avtoref. dis. Cand. pedagogicheskiy. Sciences. M., 2003. P. 2.
2. Shutova O.S. Structural model of state policy in the sphere of relations with religious associations // yurayt. M., 2017. P. 11.
3. Arinin E.I. Religious studies; Academic project. M., 2016. 320 p.
4. BIM-Bad B.M. Pedagogical currents in the early twentieth century: Lectures on pedagogical anthropology and philosophy of education. M. : Publishing house urao, 1998. 116 p.
5. Malkov P.Yu. Introduction to the Liturgical Tradition / Sacraments of the Orthodox Church; Publishing house of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. M., 2018. 320 p.
6. Filippov V.V. The Humanistic role of education: Orthodoxy and education. 1999. № 3. P. 5–7.
7. Yazykovich V.R. religious Studies : monograph. TetraSistems. M., 2018. 112 p.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ



ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN THE MODERN STATE

Зенин Константин Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Konstantin A. Zenin

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Candidate,
Nevinnomyssk State Institute
of Humanities and Technology,
vladimirgrishai1969@mail.ru

Скворцов Дмитрий Владиславович

кандидат юридических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Dmitry V. Skvortsov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Candidate,
Nevinnomyssk State Institute
of Humanities and Technology
vladimirgrishai1969@mail.ru

Макитов Мусса Борисович

начальник 3 ОРЧ
полиции ГУ МВД России по СКФО,
соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Mussa B. Makitov

Head of 3 ORCH
Police of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in North Caucasus Federal District,
Applicant,
Essentucky Institute Governance,
Business and Rights
vladimirgrishai1969@mail.ru

Беляков Сергей Григорьевич

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский
государственный университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Sergey G. Belyakov

Candidate of the Department
of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Мусаев Алик Растамович

соискатель,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alik R. Musaev

Candidate,
Nevinnomyssk State Institute
of Humanities and Technology
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация.

Принцип разделения властей исторически имеет важнейшее, определяющее значение, так как предусматривает наиболее рациональное формирование системы «сдержек и противовесов», устанавливает компетенцию органов триады власти и препятствует такому истолкованию полномочий того или иного органа государственной власти, которое может привести к утверждению приоритетно-

го самостоятельного характера одной из ветвей единой государственной власти. Статья посвящена научному анализу социальных, правовых, статусных характеристик, оформляемых по условиям реализации системы и принципа разделения властей в современном государстве.

Ключевые слова:

государство, демократическое общество, гражданин, разделение властей.

Annotation.

The principle of separation of powers has historically the most important, essential, as it provides the most efficient formation of the system of «checks and balances» establishes the competence of the triad of power and prevents such interpretation of the powers of a public authority, which may lead to the establishment of the priority of self-nature of one of the branches of United state government. The article is devoted to the scientific analysis of social, legal, and status characteristics that are formed according to the conditions of the system and the principle of separation of powers in a modern state.

Keywords:

state, democratic society, citizen, separation of powers.

Принцип разделения властей исторически имеет важнейшее, определяющее значение, так как предусматривает наиболее рациональное формирование системы «сдержек и противовесов», устанавливает компетенцию органов триады власти и препятствует такому истолкованию полномочий того или иного органа государственной власти, которое может привести к утверждению приоритетного самостоятельного характера одной из ветвей единой государственной власти. Как отмечает Е.В. Комбарова, ... исходя из классической теории разделения властей, каждая ветвь власти является самостоятельной и обособленной и вместе с тем наделенной правами взаимного контроля. Иногда произвольно расширяют число властей, поскольку классическая триада власти как бы не соответствует политической реальности. Выделяют, к примеру, президентскую, избирательную, контрольную, учредительную, прокурорскую, партийную, информационную или иную власть. Однако это крайне нерационально, поскольку приведет к дроблению власти в государстве и произойдет отождествление ветвей государственной власти с конкретными функциями государственных органов [1].

В отечественной научной теории сущностные и содержательные характеристики понятий и механизма для принципа разделения властей исследуют Д.В. Азаров, Г.М. Азнагулова, М.В. Баглай, А.В. Безруков, К.А. Бекмуратов, В.В. Гончаров, М.В. Демидов, Ц.С. Дондоков, Е.С. Дорошенко, Н.В. Ерёмкина, Л.А. Загурская, А.С. Исаков, К.А. Ишеков, Е.В. Казакова, Е.В. Комбарова, Д.А. Кужиков, И.Д. Лебединцев, Е.С. Лещева, Г.В. Мартыанова, И.А. Мальцев, С.Н. Матросов, А.Н. Мещеряков, В.Р. Петров, А.В. Сипатин, В.М. Соколов, А.В. Строкань, М.В. Тенсин, Т.И. Ширко. Отечественные авторы традиционно и ответственно рассматривают теорию разделения властей в историко-правовом аспекте, выдвигают новые положения в контексте содержания принципа разделения властей в субъектах современной Российской Федерации и в государстве, в целом.

Принцип разделения властей был выработан мировым опытом в ходе развития демократических государств, прежде всего, при оформлении актуальной социальной и правовой теории. Впервые этот принцип был сформирован английским философом и политическим мыслителем Джоном Локком в его работе «Два трактата о правлении». Суть его теории заключается в том, что демократически ориентированный политический режим может быть установлен в государстве при условии разделения форм организации государственной власти между самостоятельными государственными органами. Дж. Локк различал три ветви власти – законодательную, исполнительную и федеральную (внешняя политика). Судебную власть он относил к исполнительной, а законодательную считал верховной.

Законченный вид теория разделения властей получила в учении Ш.Л. Монтескье: законодательная власть создает законы, исполнительная их реализует, а судебная карает преступления и разрешает противоречия частных лиц. Законодательная власть играет доминирующую роль, так как деятельность двух других имеет подзаконный характер. Разделение и взаимное сдерживание властей служит главным условием политической свободы в обществе. Суть концепции разделения властей по Ш. Монтескье состоит в том, чтобы законодательная, исполнительная и судебная власть были отделены друг от друга и принадлежали различным государственным органам. Важно, чтобы соблюдался принцип взаимного сдерживания каждой из властей, в дальнейшем закрепившийся в правоведении как система сдержек и противовесов. В

противном случае, например, при соединении всех видов власти в одном учреждении или в руках одного правителя, неминуемо последует произвол и вырождение в деспотию. В своей теории деспотию Ш.Л. Монтескье считал самой неудачной формой правления. Доктрина, созданная Монтескье, не ограничивается вычленением трех ветвей власти и показом опасности их соединения в руках одного лица или органа. Не менее важна и другая сторона этой доктрины - рассуждение о том, не приведут ли расчленение властей и их взаимная сбалансированность к параличу власти, к безвластию, при которых также неизбежны разрушение государства и гибель свободы. Предотвратить подобное развитие событий могут, по Монтескье, согласованность и взаимодействие властей.

Конституционный принцип разделения властей в Российской Федерации признан, закреплён и действует в процессе организации и функционирования государственных органов, а создание механизма сдержек и противовесов является своеобразным краеугольным камнем, фундаментом демократического правового государства [2]. Модель разделения властей в сложных условиях федеративного государства имеет свои особенности, которые выражаются в том, что система сдержек и противовесов работает не только «по горизонтали», но и по вертикали», потому что на федеральные органы государственной власти одной ветви воздействуют не только органы государственной власти двух других ветвей, но и субъекты этого государства в лице их органов государственной власти. В том числе система исполнительной власти в субъектах Российской Федерации не должна копироваться с федеральной системы, где Президент Российской Федерации существует наряду с Правительством. В ведении Российской Федерации и в ведении субъектов Российской Федерации находятся принципиально разные вопросы, а это должно обуславливать и реализацию функций в системе органов власти.

В целом, применительно к законодательной власти используются довольно жесткая процедура законодательного процесса, которая регламентирует основные его стадии, порядок осуществления, то есть, законодательную инициативу, обсуждение законопроекта, принятие закона, его опубликование. В системе противовесов важную роль призван играть Президент, который имеет право применять отлагательное вето при поспешных решениях законодателя, назначать при необходимости досрочные выборы. Деятельность Конституционного Суда также можно рассматривать в качестве правосдерживающей, ибо он имеет право блокировать, все антиконституционные акты. Законодатель в своих действиях ограничивается рамками, самими принципами права, прежде всего, Конституцией, другими юридическими и демократическими нормами и институтами.

Целью законодательной власти, как это следует из её названия, – издание законов. Еще эту ветвь публичной власти принято именовать представительной, поскольку эти органы, как никакие другие, представляют интересы всего народа (населения) или значительной ее части. Именно парламентам доверено принимать законы, т.е., акты высшей юридической силы, поскольку они являются выборными коллегиальными органами публичной власти, в которых наиболее широко представлены интересы большинства граждан демократического государства, включая, политические, национальные, возрастные и иные социальные меньшинства.

Выборный характер этих органов и коллегиальный порядок принятия ими решений позволяет принять сбалансированный нормативно-правовой акт, отражающий компромиссное решение по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни. При этом законодательная функция должна быть отделена от исполнения принятых решений, поскольку в ином случае будут приниматься не те законы, в которых нуждаются граждане данной страны, а те, которые легче можно исполнить.

В отношении исполнительной власти используются ограничения ведомственного нормотворчества и делегированного законодательства. Сюда же можно отнести установленные в законе сроки президентской власти, вотум недоверия правительству, импичмент, запрет ответственным работникам исполнительных органов избираться в состав законодательных структур, заниматься коммерческой деятельностью.

Для судебной власти тоже есть свои ограничивающие средства, выражающие в Конституции, процессуальном законодательстве, в его гарантиях, принципах: презумпции невиновности, праве на защиту, равенства граждан перед законом и судом, гласности и состязательности процесса, отводе судьи и т.д.

Судебная власть как одна из ветвей государственной власти исторически является важнейшим средством управления обществом. Устоявшееся выражение «ветвь власти», достаточно точно характеризует судебную власть, поскольку судебная власть есть одна из ветвей единой неделимой государственной власти, так как принципиально является неотъемлемой суц-

ностной чертой рассматриваемого феномена. В системе иных ветвей власти проявляется как самостоятельная и полновесная ветвь государственной власти в силу своего высокого статуса, компетентности, авторитетности. Именно она должна гарантировать обеспечение конституционных прав и свобод личности.

В современном российском законодательстве категорически определено, что никакой государственный орган в отдельности не может претендовать на единоличное осуществление государственной власти. Сама по себе, государственная власть не делится между государственными органами. Осуществление государственной власти связано с разделением определенных функций между органами законодательной и исполнительной власти, они самостоятельны лишь в осуществлении этих функций, закрепленных за ними законами Российской Федерации, Конституциями (Уставами) и законами субъектов Российской Федерации.

Федеративное устройство Российской Федерации основано на государственной целостности, на единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов. В силу этого, например, субъектам Федерации принадлежит право самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти. Эти органы должны лишь соответствовать основам конституционного строя Российской Федерации и общим принципам организации представительных и исполнительных органов государственной власти, устанавливаемым Федеральным законом в интересах всего многонационального российского народа.

Принцип разделения властей не означает застывшее состояние выделенных ветвей власти, а предполагает динамичный процесс их постоянного взаимодействия, согласованного функционирования, совместного поиска наиболее оптимальных решений, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации с помощью специальных правовых процедур, установление и развитие которых он обуславливает. Конечно, у каждой власти есть свое место и назначение. Однако в их расстановке могут быть субъективные подходы, в значительной мере предопределенные характером и традициями государственного строя. Споры по вопросу о том, какая из властей является главной, первенствующей, важнейшей, очевидно, приобретают всё более содержательную перспективу.

Таким образом, теория разделения властей является достаточно актуальной на современном этапе, прежде всего для конституционного законодательства, юридической практики и для российской государственности в целом.

Литература:

1. Комбарова Е.В. Принцип разделения властей в конституционном механизме власти России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1(96). С. 98–100.
2. Демидов М.В. Законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса и организация деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 32–36.
3. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности: развитие в условиях политико-правовой модернизации / Е.Е. Тонков, С.В. Масальтина. М. : РАГС, 2010.
4. Общая теория государства и права: Академический курс в трех томах / Под общ. ред. М.Н. Марченко. М. : Норма. 2007. Т. 1.
5. Бойков В.Э. Конституция, власть и народ. Россия 1990-х годов – начала XXI века // Социологические исследования. 2009. № 1.
6. Синцов Г.В. О месте законодательной власти в системе разделения властей в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 4. С. 32–34.

Literature:

1. Kombarova E.V. The Principle of separation of powers in the constitutional mechanism of power in Russia // Bulletin of the Saratov state Academy of law. 2014. № 1(96). P. 98–100.
2. Demidov M.V. Legislative and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation: peculiarities of the constitutional legal status and organization of activities // The Constitutional and municipal law. 2014. № 4. P. 32–36.

3. Tonkov E.E. Legal forms of state activity: development in the conditions of political and legal modernization / E.E. Tonkov, S.V. Masalytina. M. : RAGS, 2010.
4. General theory of state and law: Academic course in three volumes / Under the General ed. of M.N. Marchenko. M. : Norm. 2007. Vol. 1.
5. Boikov V.E. Constitution, power and people. Russia of the 1990s the beginning of the XXI century // Sociological research. 2009. № 1.
6. Sintsov G.V. On the place of legislative power in the system of separation of powers in the Russian Federation // State power and local self-government. 2015. № 4. P. 32–34.

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ГУМАНИТАРНЫХ ОСНОВАНИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**



**PROBLEM OF MAN IN THE HUMANITARIAN
FOUNDATIONS OF MODERN SCIENCE**

Попова Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
помощник начальника академии
(по международному сотрудничеству) –
руководитель группы
международного сотрудничества,
Академия управления МВД России
vladimirgrishai1969@mail.ru

Tatyana V. Popova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Head of the Academy
(on international cooperation) –
Team Leader international cooperation,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vladimirgrishai1969@mail.ru

Килясханов Магомед Хизриевич
кандидат философских наук,
доцент,
представитель МВД России
в Республике Таджикистан
vladimirgrishai1969@mail.ru

Magomed H. Kalashnov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Representative of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in the Republic of Tajikistan
vladimirgrishai1969@mail.ru

Тищенко Александр Викторович
соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander V. Tishchenko
Applicant,
Yessentuki Institute
of Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Гребенюк Диана Валерьевна
соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский
государственный университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Diana V. Grebenyuk
Candidate of the Department
of Philosophy and Sociology,
Adygea State University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Корсаков Александр Николаевич
соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander N. Korsakov
Applicant,
Yessentuki Institute of Management,
Business and Law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация. Наука как производство знания представляет собой специфическую форму деятельности, отличную как от деятельности в сфере материального производства, так и от других видов духовной деятельности. В общем содержании, гуманизация науки означает, что в числе, внешних ориентиров научного поиска вопросы, связанные с человеком, становятся определяющими, системообразующими. В статье рассматриваются авторские подходы, раскрывающие потенциал гуманитарных оснований современной науки в проблеме развития человека и общества.

Ключевые**слова:**

наука, общество, человек, ценности, самосознание

Annotation.

Science as the production of knowledge is a specific form of activity, different from both activities in the field of material production and other types of spiritual activity. In General, the humanization of science means that among the external reference points of scientific research, issues related to man become defining, system-forming. The article considers the author's approaches that reveal the potential of the humanitarian foundations of modern science in the problem of human and social development.

Keywords:

science, society, person, values, self-awareness.

Наука как производство знания представляет собой специфическую форму деятельности, отличную как от деятельности в сфере материального производства, так и от других видов духовной деятельности. В общем содержании, гуманизация науки означает, что в числе внешних ориентиров научного поиска вопросы, связанные с человеком, становятся определяющими, системообразующими. Гуманитаризация науки – это проникновение ценностей, критериев гуманитарного познания в структуру других видов научной деятельности (естествознания, технических наук), т.е. изменение внутренних идеалов науки в целом. Трансформация представлений о научной объективности, которая происходит в последнее время, предусматривает необходимость учета субъективных аксиологических факторов в научном исследовании.

Исходные легитимные основания научного исследования проблемы человека в современном государстве и обществе установлены в действующем законодательстве. Как определено во второй статье главы 1 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Соответственно, в свете государственного подхода гуманистическая ориентация науки определяет гуманитаризацию современной картины мира, власти, управления, культуры, всего общественного сознания. Исторически признанная ценность познавательной функции задана самой сутью науки, главное назначение которой - как раз познание природы, общества и человека, рационально-теоретическое постижение мира, открытие его законов и закономерностей, объяснение самых различных явлений и процессов, осуществление прогностической деятельности, то есть производство нового научного знания.

К широко трактуемой в современной науке теме сущности и предназначения человека, в том числе по вопросам о роли науки в принятии социально значимых решений обращают своё внимание многие авторы. В этом числе Н.Н. Авдеева, А.И. Бардаков, Б.Н. Бессонов, Л.Г. Бортникова, Б.А. Гунзунова, А.А. Гусейнов, Л.В. Денисова, А.В. Завражин, Н.А. Ильинова, Т.В. Козырева, Л.Я. Курочкина, О.В. Летов, С.А. Лишаев, Н.Н. Моисеев, А.Л. Никифоров, Г.В. Ожиганова, Д.Б. Петрова, Л.А. Петрова, С.И. Платонова, Я.Ю. Просперини, В.А. Ремизов, М.В. Родина, Г.Ф. Ручкина, В.С. Садовская, Е.В. Соловьёва, В.С. Степин, М.И. Тарасова, И.А. Тюплина, Д.И. Фельдштейн, И.Ю. Филиппова, И.В. Фролова, И.А. Хапчаев, А.А. Цыцарев, С.А. Чазова, М.Д. Щелкунов. В ряде научных исследований доказано, что гуманитарная образованность человека – один из ключевых факторов формирования и развития гуманитарной культуры, социальной, профессиональной уверенности и ответственности. Гуманитарная культура имеет не только общественное значение, обеспечивая сохранение и выживание человека как субъекта культурно исторического процесса, но и обладает исключительным индивидуально-личностным предназначением.

Современные исследователи достаточно аргументировано полагают, что причины многих проблем, с которыми сталкивается общество, носят антропогенный характер. Актуальная формулировка проблемы человека в гуманитарных основаниях современной науки обращена к оформлению мотивов, ценностных оснований его деятельности по условиям характера социального бытия, а также, по установкам психологии, воспитания, образования, профессиональных предпочтений человека, как субъективных факторов, определяющих его развитие.

Исследование проблемы регулирующей роли самосознания человека затрудняется различиями в понимании содержания саморегуляции. Зачастую, об эффектах саморегуляции судят по самому факту происходящих изменений самосознания и поведения, обходя вопрос о психологических механизмах феномена саморегуляции. Не менее острым является вопрос о самом существовании специфических регуляторных процессов. Когда такая постановка вопроса игнорируется, в качестве механизма саморегуляции рассматривается изменение координа-

ции психологических процессов и состояний, приводящее к изменению регулируемых переменных активности человека.

По условиям научной и практической динамики развития, человек создает особую внутреннюю среду, которая имеет свойства предметов природы и, в тоже время, природой не создается, а создается человеком. Человек и его личность создается такой искусственной средой, но существование его в этой среде – проблематично, т.к. такая среда не может существовать, воспроизводиться, продолжать свое существование сама собой, без человека. Становление человека в личностном измерении связано с созданием организованных внутренних структур, которые своей работой воспроизводят на биологическом материале человеческие возможности – личностные действия, требующие определенных усилий со стороны человека.

Усилие проявляется, с одной стороны, как действие воли, а с другой стороны, оно возникает в процессе размышления об этой абстракции, т.е., данная конструкция как факт личностного новообразования порождается через внутреннее волевое усилие, а также она создается актом мышления и вне этого акта не существует. В свою очередь, на макро – уровне, в системе форм общественного сознания, логико-гносеологическая трактовка науки обуславливается как общественно-историческими условиями, так и уровнем развития самой науки.

Как отмечает А.В. Завражин: «Уникальность современного положения гуманитаризации всех сторон жизни общества заключается в том, что, в отличие от естественных наук, современные «науки о человеке» лишены какой бы то ни было объективной основы, делающей возможным появление самого феномена «знание». В свою очередь, гуманитарное знание на протяжении истории своего существования обладало достаточно прочной основой, позволяющей ему оформиться в особую сферу духовной культуры человечества со своим языком, мировоззрением, системой правил и отношений» [2].

Ситуация усилившейся неопределенности будущего вызывает необходимость гуманитарной экспертизы, которая вносит ценностное измерение в научно-технический процесс, прежде всего, в контексте переоценки, что позволяет рассчитывать на уменьшение гуманитарных рисков. Необходимо отметить, что основными признаками научного познания являются проблемность, предметность, методологичность, доказательность, объективность и систематичность. При этом сохраняют актуальность такие методы познания, как анализ, методы опроса: анкетирование, интервью, тестирование, метод социометрии, требующий применения математических средств к изучению социальных явлений.

По нашему мнению, на фоне возрастания нормативно-ценностной ориентации гуманитарных наук, теория и методология исследования проблемы современного человека предполагает следующие основания:

- обоснование логики построения для общих и частных философских концепций человека, выявление и анализ их методологической значимости в современных условиях;
- социально-культурный контекст становления, оценки и переоценки новой научной картины мира;
- обобщение рациональных теоретических предпосылок обоснования современной научной картины мира;
- теоретическое моделирование фрагментов становления новой научной картины мира, позволяющее уточнить предметное поле, статус гуманитарных наук;
- выявление гносеологической специфики гуманитарного познания и последующее определение статуса и роли гуманитарных наук в формировании познавательных и поведенческих императивов современного человека.

Важной стороной превращения науки в непосредственную производительную силу является создание и упрочение постоянных каналов для практического использования научных знаний, появление таких отраслей деятельности, как прикладные исследования и разработки, создание сетей научно-технической информации и др. Закрепленный в общественном развитии потенциал, влечёт за собой значительные последствия и для науки, и для практики. Наука как социальный институт – это социальный способ организации совместной деятельности ученых, которые являются особой социально-профессиональной группой, статусно определенным сообществом. Ведущая цель и назначение науки как социального института – производство и распространение научного знания, разработка средств и методов исследования, воспроизводство ученых и обеспечение выполнения ими своих социальных функций.

Важны функции науки как социальной силы в решении глобальных проблем современности. В качестве примера исследователи приводят экологическую проблематику. Как известно, бурный научно-технический прогресс составляет одну из главных причин таких опасных для

общества и человека явлений, как истощение природных ресурсов планеты, загрязнение воздуха, воды, почвы. Следовательно, наука – один из факторов радикальных и далеко не безобидных изменений, которые происходят сегодня в среде обитания человека. Этого не скрывают и сами учёные. Научным данным отводится ведущая роль и в определении масштабов и параметров экологических опасностей. Возрастающая роль науки в общественной жизни породила её особый статус в современной культуре и новые черты её взаимодействия с различными слоями общественного сознания. В этой связи остро ставится проблема особенностей научного познания и его соотношения с другими формами познавательной деятельности.

Отечественные авторы установили, что разностороннее постижение природы человеческих поступков, механизмов его мотиваций, ценностно-мировоззренческих оснований деятельности всё больше определяет предметное поле гуманитарных оснований науки. В культурологическом содержании особое значение для методологии гуманитарных наук приобретает рассмотрение коммуникативных процессов, феномена диалога и анализ специфики понимания различных текстов, произведений искусства, литературы, музыки. Соответственно, наука в современном обществе играет важную роль во многих отраслях и сферах жизни людей. Несомненно, уровень развитости науки может служить одним из основных показателей развития общества, а также, это показатель экономического, культурного, цивилизованного, образованного, современного развития государства.

Таким образом, в перспективах исследования гуманитарных оснований современной науки о человеке и обществе определяются системные приоритеты саморазвития. Многомерный мир человека предполагает целостный подход, выявление его космических, биологических, социальных, психологических, культурных, экологических граней в объективно представленном единстве. Перспективы решения множества задач социального гуманитарного развития связаны с определением смысла человеческой жизнедеятельности на основе установления биосферных функций человека. С научным анализом соответствия человеческой активности показателям устойчивого развития, этическим, правовым и другим канонам гармонизации социально-экономического, культурного, экологического развития. В проблемной сфере поиска и определения императивов общественного развития достаточно оптимистично звучит тезис о том, что наука дала нам знание об окружающем мире и вооружила средствами его позитивного преобразования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) Глава 2. Ст. 37. П. 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Завражин А.В. Современное гуманитарное познание и гуманитарные науки // Человеческий капитал и проблемы образования. Вестник МИЭП. 2016. № 3(24). С. 51–59.
3. Бучило Н.Ф. История и философия науки : учебное пособие / Н.Ф. Бучило, И.А. Исаев. М. : Проспект, 2016. 432 с.
4. Бессонов Б.Н. История и философия науки : учебное пособие для магистров / Б.Н. Бессонов. Люберцы : Юрайт, 2016. 394 с.
5. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи; Пер. с англ. О.В. Захаровой // Прогресс. М., 1986.
6. Степин В.С. Философия и методология науки. М. : Академический проект, 2015. 716 с.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote December 12. 1993) (subject to amendments made by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30 Dec. 2008 № 6-FKZ, from 30 Dec. 2008 № 7-FKZ, from February 5, 2014 № 2-FKZ, from July 21, 2014 № 11-FKZ) Chapter 2. St. 37. P. 1 // SOBR. Zakonodatelstva ROS. Confederations. 2014. № 31. St. 4398.
2. Zavrazhin A.V. Modern humanitarian knowledge and Humanities // Human capital and problems of education. Bulletin of the MIEP. 2016. № 3(24). P. 51–59.

3. Buchilo N.F. History and philosophy of science : textbook / N.F. Buchilo, I.A. Isaev. M. : Prospect, 2016. 432 p.
4. Bessonov B.N. History and philosophy of science : textbook for masters. Lyubertsy : yurayt, 2016. 394 p.
5. Pechchei A. Human qualities. Translated from English by O.V. Zakharova // Progress. M., 1986.
6. Stepin V.S. Philosophy and methodology of science. M. : Academic project, 2015. 716 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 25.12.2019

Подписано в печать 27.12.19

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», помещ. 41/3
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 2160/1

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com